

18+

ЭДУАРД ШАР

РОМАН

ТЕНИ ЖЕЛАНИЙ

Эдуард Семёнович Шар

Тени желаний. Роман

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67142755

ISBN 9785005604774

Аннотация

Каждому хочется, чтобы его желания исполнились, многие готовы быть ведомыми на пути к воплощению собственных мечтаний, однако людям не нравится, когда ими «играют втёмную». И всё-таки каждый из нас движется вперёд, не в силах замереть в моменте времени, в итоге какие-то из целей претворяются в жизнь, но у всего есть цена и у всех желаний имеются тени.

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	80
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Тени желаний

Роман

Эдуард Семёнович Шар

© Эдуард Семёнович Шар, 2022

ISBN 978-5-0056-0477-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1.

Череп

На мой взгляд, День рождения, отпразднованный с друзьями и милой сердцу девушкой в сауне на пятьдесят четвертом этаже одного из самых высоких зданий города – это прекрасно. А вот то, что уже ближе к концу процесса «чувствования» меня как именинника я поскользнулся, упал и ударился затылком – плохо. Однако, не зря говорят, что «иногда лучше не знать, как было бы лучше, иногда это все – дело случая», то есть, возможно, именно по причине падения и удара головой вчера, сегодня я решил, что мне нужно устроиться на работу не больше, не меньше, а в главную библиотеку города. А может, вовсе и не в ушибе макушки дело, могла оказать влияние информация, воспринятая от медийных источников (из серии необходимости нести людям свет знаний, заодно «подозаряя» им и себя). Самое интересное во всё этом то, что на какую конкретно должность устраиваться на работу в библиотеку, я так и не решил.

– Здравствуйте, я хотел бы устроиться к вам на работу – сообщил я «библиотекарше», оказавшись, наконец, в прекрасном здании «книгохранилища».

– Насколько я знаю, у нас нет вакансий, да и не я решаю эти вопросы – был мне дан лаконичный ответ.

– Вам, наверное, интересно почему я принял такое решение – стать библиотекарем? Не надо, не надо, ничего не говорите, конечно я расскажу, объясню вам! Дело в том, что меня вдруг посетила мысль – в библиотеке наверняка же должны храниться книги, способные управлять жизнями людей!? Я хочу сказать, есть же такие книги, книги со множеством «проблем», «влияющие» книги, наверняка есть?! Если изучить их, понять, минимизировав негативное влияние; если, в случае чего, сжечь, тем самым лишив одного или нескольких людей одновременно ряда жизненных сложностей и неприятностей – разве это не цель, разве это не дело для жизни? Это путь, великая идея существования! А сколько всего можно было бы исправить! – разглагольствовал я, к тому моменту осознав, вдруг, что хочу работать конкретно библиотекарем, а не только лишь В библиотеке.

– Даже не знаю, что вам ответить... просто не знаю – произнесла сотрудница библиотеки, ошарашенно глядя на меня.

Потом подошла женщина из отдела кадров, мы побеседовали, я заполнил анкету и вышел из здания. На улице мне подумалось, что всё, сказанное только что этим бедным людям – бред, идиотические тексты монологов городского сумасшедшего, а главное – откуда это взялось во мне? Во многом, только что содеянное столь же глупый поступок, как если б вдруг внезапно я взял и проинформировал пешехода-незнакомца о том, что люблю «avi» формат больше, чем «mkv». Может быть имелась необходимость проска-

нирывать собственные побудительные мотивы, но... к этому просто-напросто не располагала прекрасная погода.

Так что мысли о самокопании были отринуты, вместо того я съел бургер в забегаловке по соседству с городской библиотекой и пошел на остановку общественного транспорта – пора было навестить бабушку.

В автобусе провести время спокойно не получилось, так как в салон вошел некий уличный проповедник, который с жаром стал рассказывать про власть имущих, посыпающих себя пеплом сожжённых ими тел жертв режима; про крыс всего мира, которые давно уже решили избрать главным языком для общения с людьми русский, проповедник вещал и про что-то еще, но я толком не слушал его, ибо отсутствовало желание получить информации сверх услышанного, а денег проповеднику в итоге не дали – ни я, ни остальные пассажиры. Так или иначе, но внимать людям подобного рода всяко интереснее, чем отстраненно взирать из окна единицы общественного транспорта на туалетоподобные киоски, скрывающиеся за поворотом. Мда, вид этого района вовсе не ассоциировался у меня с местом, где человеку хотелось бы проводить собственный «паранедельный» отдых отпускового типа.

Давненько недолюбливаю, опасаясь одного из частных домов, мимо которого приходится проходить, чтобы добраться до бабушкиной многоэтажки: дело в том, что во дворе данного дома стоят («живут»?!) садовые гномы, и я яв-

ственно ощущаю, гномы эти – признак опасности. Почему у меня такое мнительное, «сверхъестественное» мнение? Не знаю, возможно это сакральное послание памяти предков, возможно – банальная мнительность, а все же что есть – то есть. Всякий раз, когда дом этот остается позади, я оглядываюсь, а потом, во власти радостного облегчения, практически влюбляюсь в автоматизированный голос из лифта дома бабушки.

Бабушка... как много в этом слове! Бабушка умеет обнимать голосом и озадачивать прожектами дел. Вот и в этот раз – улыбка и ласка, приветственные нежнословия, моментально сменились заданиями – достать то, купить другое, прикрутить третье. Но всегда, когда задания выполнены, а очередное «откровение» о том, что «овоци – подарок намного лучший, чем цветы» выслушано, я стою у окна и думаю про череду разной всячины, смотря вниз. За этим окном я видел многое – лучи солнца и молнии, порожденные чиркающими зажигалками богов грома. Лезут в голову околосамофилософские мысли афористического толка вроде «Жизнь то танцует вокруг, наполняя воздух запахом луговых трав и моря, а то вдруг стремительно проходит мимо, оставляя после себя лишь аромат дешевых сигарет».

Но бабушка не даст мне рефлексировать, бабушка знает, что человека хорошо можно изучить по книгам, которые он читает и в процессе совместного распития алкогольных напитков, а внуку задумываться над чем-то долго давать нель-

зя – мало ли что там придет ему в голову.

– Хватит уже стоять-то там, стоймя стоишь и будто глаза йодом залил, на душе словно азохенвей какой-то – произносит бабушка.

– Да ладно вам, бабушка – отвечаю я (к бабушке я обращаюсь, в основе основ, только на «вы»).

– Такой сегодня сон странный снился – привиделось, будто в самом сне я проснулась, думая, что живу в Италии и пошла на работу, которую во сне представляла сырой гнилой картошкой. Шла мимо балконов, на которых висели написанные прямо на простынях послания: «Соседи, мы не курим марихуану, не звоните в полицию», а в итоге пришла в какой-то душный прокуренный кабинет и проснулась после того, как мне там заявили, что сегодня будет осуществляться проверка широты души всех сотрудников, ну не диво ли?! – рассказала мне бабушка.

– Да, странноватый сон – сказал я.

– Кстати, вот что я забыла тебе поведать – мне тут уже несколько дней к ряду предлагают вступить в какое-то странное сообщество, похожее на секту – приходят днем и рассказывают-разглагольствуют, велеречиво так, складно, я даже задумалась о том, чтобы принять их предложение – донесла до меня бабушка важную информацию.

– А в чем суть сообщества? Что хотят? В Кого верят? К чему призывают? – настороженно начинаю выпытывать я.

– Говорят, что верят в вирус, который придет на Землю,

очистит ее и освободит какого-то Узника, после чего весь мир станет лучше, чище, счастливее и светлей – доверительно «просвещает» меня бабушка.

Расспросив мою пожилую родственницу еще немного, узнав телефон и адрес конторы, я решил сам навеститься к ним – «окупиться в атмосферу» и донести мысль, что не стоит трогать бабушек, если они – мои.

До «секты» я решил пройти пешком, потому как необходимо было «расстаться» с тем «пищевым китом», который образовался у меня в животе в результате общения с бабушкой и ее угощениями. На помощь и для компании решил никого не звать, так как дружба – это же не девушка по вызову, не стоит ожидать, что ни у кого нет никаких дел и все бросятся ко мне для целей решения моих псевдо и реальных проблем – подобное бывает только в книгах и в мечтах.

У «секты» была интересная вывеска, на которой была нарисована звезда в круге, разделенном на семь равных секторов, каждый из которых был раскрашен одним из оттенков радужного семицветья. Нареклись же представители «ходов по пенсионерам» просто – «Сообщество Освобождения». По своей воле я бы к подобного рода ребятам ни за что не пошел, ведь мне не нужны навязанные кредиты, мнимое лечение и высосанные из пальца околорелигиозные доктрины «единственно правильной» методологии жизни, однако дело есть дело, цель есть цель, необходимо было пообщаться с людьми, понять их, прояснить им про себя и моих близких.

Отчего-то сильно захотелось покурить кальян. Может быть – позже.

– Приветствую тебя, дальнеблизкий! – услышал я от девушки, очевидно состоящей в «секте», едва только открыл дверь.

– Вы недооцениваете недоверие незнакомцев и переоцениваете собственную оригинальность, приветствуя людей таким образом, как мне кажется – ответил я.

– Вы по поводу вопроса Любви Абрамовны? Она звонила, говорила, что вы зайдете, проходите в 404 кабинет – сообщила мне представительница «секты», не переставая улыбаться.

Зачем бабушка звонила им? Неужели она УЖЕ с ними? Желание набрать бабушке и разобраться было очень сильным, но все же я решил сперва довести начатое до конца здесь.

На 404 кабинете висела табличка – «Карл Эрикович. Решатель». Боже мой, какая помпезная вычурность!

– Здравствуйте, сразу скажу – Любовь Абрамовну мы больше беспокоить без ее желания не будем – донес до моего сведения «решатель», стоило мне лишь переступить порог.

– Это хорошо. Но раз уж я здесь – кто вы, чего хотели от моей бабушки и к вере во что пытались склонить? – задал интересующие вопросы я.

– Мы ни к чему никого не склоняем. Есть Узник, который вот-вот освободится; есть вирус, который вот-вот при-

дет в нашу жизнь; есть последствия, которые будут для всего человечества прекрасными, если люди не будут паниковать, а будут осведомлены, тогда и жертв поменьше по показателям мы увидим – разъяснял мне Карл Эрикович, смотря прямо в глаза.

– Просто знайте – будете приставать к моей бабушке, получите весь спектр проблем административного характера – налоговая, Роспотребнадзор, прокуратура, иск – констатировал свои намерения я.

– Вы знаете, глупо сегодня звать на вечеринку того, кому вчера приносил соболезнования в связи с понесенной человеком потерей, скажем, смертью любимой супруги от рака. Также и банальная «обработка» пенсионеров ради наживы, выгоды перед лицом грядущих потрясений – столь же глупа. Они в самой опасной группе риска – вот единственная причина отчего мы так упорно взаимодействуем с пенсионерами, по сути – стремимся минимизировать утраты близких у таких, как вы, мне ясен ход ваших мыслей, он логичен, но не стоит во всем и во всех видеть исключительно плохое, опасное и угрожающее – произнес «обитатель» кабинета.

Я задумался. Это правда? Или обманчиво интеллектуальная ересь, вроде общероссийского перформанса по облизыванию мокрых стекол остановочных комплексов, о котором вчера сообщали в новостях? Сомнения закрались в мою душу.

– Поверите ли, у меня к вам предложение. От вашей

бабушки мы знаем, что вы из Екатеринбурга. Нам нужны думающие, критически мыслящие, сомневающиеся и оттого верные специалисты. Поэтому с нас – билеты на самолет туда-обратно, оплата хорошей гостиницы, приличная денежная сумма для финансирования ваших трат, а с вас... с вас – желание разобраться, готовность изучить азы того, чего мы опасаемся и к чему готовимся, ждем, оценка «присутствия» вируса в хорошо знакомом вам месте. Проще говоря – вам необходимо будет направиться в город вашего рождения Екатеринбург, где и понять, наконец, о чем мы тут с вами беседуем – предложил мне «сектант».

По глупости ли, попав под влияние, из желания что-то в своей жизни изменить, по причине жадности или от безделья, но я принял это предложение и согласился вернуться на малую родину. Странно это, конечно, прийти к незнакомому человеку за одним, а «получить» совершенно другое. «Размытое» настоящее, переходящее в будущее, где так хочется видеть нечто чудесное. Столь глупо и... и столь понятно каждому.

* * *

В Екатеринбурге всегда было чем заняться: хочешь – отправляйся на мистическую автобусно-пешеходную экскурсию «Городские легенды», имеешь желание – сыграй на территории бывшего бомбоубежища в «Форт Боярд «по-ураль-

ски» – командную игру «Вызов». В экс-Свердловске есть интереснейший интерактивный двухэтажный музей (исторический парк) «Россия – Моя история». Также, находясь в столице Урала, неправильно будет обойти вниманием и весьма спорное, но настоящее mustsee-место – «Ельцин-центр», где расположен музей Бориса Ельцина.

Даже в микрогороде-спутнике «города Екатерины» – Березовском и то имеется приятная, самостийная локация – прекрасный музей золота.

Легко и просто, вовсе не заходя куда-то, «только лишь» прогуливаясь по Екатеринбургу, вдоволь налюбоваться памятниками клавиатуре, группе «The Beatles», Владимиру Высоцкому и Марине Влади, Майклу Джексону, братьям Люмьер, человеку-невидимке, Остапу Бендеру и Кисе Воробьянинову, сантехнику и многим другим, ведь памятники да статуи в среднеуральском мегаполисе обнаруживаются даже и в торговых центрах.

Вполне себе можно побаловать себя каким-нибудь пешеходным квестом про свердловский рок, совершить заплыв в «горячих источниках» под названием «Баден-Баден» на Уктусе или посетить аквапарк «Лимпопо». Туристу, командировочному, просто гостю в городе на реке Исеть будет стабильно интересно и не скучно.

Именно поэтому я, направляясь в «родные пенаты», возлагал большие надежды на процесс пребывания на малой родине с самого первого дня прибытия. Но не тут-то было...

Прямо по приезду, уже на вокзале мне объявили, что в городе введен временный карантин, а потому все вновь прибывшие подлежат транспортировке в специально отведенное место, конкретно – в переоборудованный под нахождение там трех тысяч больных выставочный центр Екатеринбург-Экспо.

Ничего хорошего в пункте временного содержания я не увидел – там было множество странных людей, по факту общения с которыми охватывали большие сомнения – а в карантине ли дело или меня просто словно бы специально окружают сумасшедшими?

Один человек, звали его Евгений, постоянно твердил, что у него два высших образования, уверял окружающих в своей всеобъемлющей осведомленности обо всём на свете, про знания во всех сферах жизни, но постепенно выяснилась прозаическая истина – живет Женя с мамой, весьма обширно потеет, передвигается на старом папином автомобиле и мечтает забить всё свое тело татуировками с изображениями работ художника Реона с Петршинского холма, что в Праге.

Мой «правый» сосед по койке поделился со мной идеей, что хочет снять клип, в котором главный герой всю продолжительность видео будет ползти по узкой пещере, чтобы в конце клипа увидеть свет, выползти на открытый простор, тем самым выйдя из комы, в которой, оказывается, пребывал. И всё бы ничего, если б уже на следующий день сосе-

душка не объявил, что сам он является частью кошачьей семьи, а его котят и кошки ему уж очень не хватает, хоть жалобно мяукай и на стены лезь. И что это было – «афиша» его поведения, маска для наблюдающих или «истинный» он? Разбираться особо желания не имелось.

Естественно, что о себе в таком окружении я не распространялся, иногда даже дезинформировал, при этом усиленно делая вид, что в Екатеринбурге я не более чем турист, а из особенностей самого себя в части проявления во внешний мир ничего не представляю и единственное, чему научился к нынешнему возрасту – сносно плевать на дальность.

Мне, вроде как, верили, хотя кто их знает...

А однажды я в очередной раз пошел в туалет. Там, в углу, над ёршиком, «устроился» паук, внезапно очень захотелось убить его, однако что-то помешало мне это сделать, по факту чего я взял «временный самоотвод» – паузу, чтобы подумать как поступить дальше. Этакая «дилемма микробога». Лежа на своей кровати, обдумывая этот «вселенски важный» выбор, в процессе проявления «диагонального эгоизма» по части занятия места на кровати, я задремал. Во сне услышал голос своего «правого» соседа по койке, который уговаривал меня не убивать паука. Проснувшись, я не обнаружил этого самого соседа рядом, передо мной предстала лишь пустая койка, на которой лежал свернутый пополам листок бумаги формата А4. Не желая перебарывать собственное любопыт-

ство, я развернул этот листок и обнаружил там карту в стиле книжной «карты сокровищ». Забавность заключалась в том, что мне было хорошо известно место, отмеченное на карте «крестиком», так как жизнь прилично «осведомила» меня о географии района города, где этот «крестик» располагался.

Шли дни, каждое утро я наблюдал из окна за процессом таянья оставшихся сугробов, пытался наслаждаться «фактурой» поверхностей под моими стопами, старался не вмешиваться в собственную «жизнь» моего телефона, выражавшуюся в то и дело приходящих мне смс и пропущенных звонках. Понемногу я «притёрся» к «товарищам по несчастью», с которыми нас объединила ситуация, ну и научился получать удовольствие от необычных тем «тёмных» ночных разговоров.

Долго ли, коротко, а подошло время, и меня выпустили из «заточения»... Объяснили, что причиной изоляции стало подозрение распространения некоего вируса, но тревога оказалась ложной. Даже если не соврали про причину ограничительных мер, верить, что опасность миновала я не спешил, впрочем, и накручивать себя мыслями об угрозах и рисках намерений не имел.

Вроде бы и весна, надежды на новое начало, но зима в этих краях всегда тяжело сдавала позиции, цеплялась за любую возможность остаться. То, что было отмечено на «карте сокровищ», располагалось на территории «дикого» пляжа. За эти годы здесь ничего не изменилось –

те же изломанные, хаотично растущие деревья; пляж, который и назвать-то так можно лишь с натяжкой – узкая полоса песка у воды почти сразу сменяется каменистой почвой. Но в отличие от ухоженной территории пляжа публичного, в данной точке пространства легко увидеть пусть и «необработанную», но естественную, явно заметную красоту «приводоёмной» природы. Хотя, что для одного – красиво, для другого – тлен, не зря же говорят, что красота в глазах смотрящего.

Я не забыл взять с собой лопату, и она пригодилась. Конечно же мне не с первого раза удалось найти нужную точку для «раскопок», но в итоге поставленная задача перешла в разряд решённых – «сокровище» было выкопано. Им оказался человеческий череп без нижней челюсти, зато, насколько я мог судить, зубы в челюсти верхней наличествовали все, полный набор. На левой части черепа имелся словно бы «шрам», след от внешнего воздействия чем-то на голову бывшего «носителя» находки, кто знает, возможно орудие, которым этот след был оставлен, являлся тем орудием, в результате «взаимодействия» с которым прекратилась «жизнь» черепа в виде головы и началась в виде предмета.

Так или иначе, большинство предрассудков чужды мне, а потому череп я взял с собой, в номер отеля, чтобы там понять что к чему, и как это все связано с картой.

Не являясь поклонником курения, отказать себе в удовольствии угоститься маленькими сигарами (они же –

«puritos») марки «Salsa» я не смог, отказ оказался выше моих сил, потому «вооружившись» бокалом индийского пряного рома «Old monk», слегка осоловевший после посещения «отельной» сауны, я отдался анализу произошедших событий в сигарном дыму.

Казалось весьма и весьма странным такое внезапное обнаружение мной «карты сокровищ» и исчезновение соседа по койке, предположительно после себя оставившего (для меня?) сей предмет. находка черепа продолжала «парад странностей». Впрочем, вся эта ангажированная «сектантами» и спонсируемая ими же поездка вообще сама по себе как в «зону необычных обстоятельств» вошла, так из неё во все и не выходила. Ну так что же? К чему смятение? Встал на путь – иди, так я всегда старался говорить самому себе. В конце концов – ничего плохого, вроде бы, не произошло, даже несмотря на сомнительное времяпрепровождение абы где и абы с кем в связи с подозрительным «временным карантинном». Смотри с кем сравнивать свою жизнь, оценивая ее, к примеру – бабушка моя уже много лет живет в непрекращающемся «дне сурка» рядом с соседом, из квартиры которого разносится такая вонь, что это «жилище» легко перепутать с туалетом. А я здесь – перед лицом непонятностей и относительно загадочных событий – вполне себе интересное, насыщенное существование то есть. В итоге одна прочитанная книга часто ведет к другой, так и события в ретроспективе выстраиваются в цепочку этапов непрерывного пу-

ти.

Отсюда рождалось несколько идей:

1. Найти моего соседа по койке и узнать как он причастен к обнаружению черепа и чего добивался подкладыванием карты;

2. Понять что означает череп и, опционально, чей он.

Второй пункт программы, наверное, даже важнее первого...

Я вновь приблизился к черепу, взял его в руки, поднёс к глазам, повертел, потряс, но не испытал никакого просветления от ожидаемого посещенного озарения. Поставил череп на место и задумался.

– Позволь рассказать тебе кое-что, пару историй, способных прояснить ситуацию – услышал я.

Вздвогнув, вдоволь наозиравшись, сбегав к балкону и входной двери, я все-таки допустил мысль, что обращался ко мне именно череп и с опаской вернулся к тому месту, где оставил свою находку.

– Успокоился? Это прекрасно, значит готов слушать и слышать, воспринимать? – «произнес» череп будто бы в моей голове, при этом не порождая никаких колебаний под действием моего испуганного и испытующего взгляда.

– Н-н-нет, то есть... д-д-да, хочу уточнить – это череп со мной сейчас говорит, ты, вы, так? – спросил я, осознавая нелепость ситуации.

– Мда, можно на «ты» и ответ на твой вопрос положитель-

ный, пожалуй, сейчас я именно что череп, впрочем, немного большее, но предметно всё так – был мне ответ.

– Очень неожиданно... А как я вас, то есть тебя слышу, если ты не открываешь рта, которого у тебя нет? – не до конца веря в происходящее, допытываясь, пытался приноровиться к ситуации я.

– Разве это самое важное? Слышишь – уже хорошо, значит есть контакт, сам же говоришь – нет у меня рта, чтобы как в кино или мультиках с тобой говорить, что уж теперь, замолчать нужно, считаешь или провода входа-выхода для аудио поискать? – иронизировал (как мне казалось) череп.

– Нет, не думаю, внимаю, слушаю, говори – уверил «собеседника» я, пытаюсь настроиться и собраться.

– Отлично, приятно познакомиться, меня зовут Адриано, кстати говоря, так вот, слушай... – вещал череп.

Я представился в ответ, а дальше узнал любопытную историю.

* * *

...В один небольшой и живописный итальянский городок Ассизи однажды приехал знаменитый странствующий пиццайола Мауро. Местный житель, маленький Адриано, безусловно, не мог не попробовать новую интерпретацию хорошо знакомого блюда. Первый раз в чем-то новом и неизведанном – всегда самый страшный, а потому лучше, если

этот страх с человеком кто-нибудь разделит. У Адриано такой компаньон был – совсем недавно у мальчишки появился новый друг – Павел, он же Паоло, родители которого сперва, продолжительное время назад, приехали в Ассизи в качестве туристов, чтобы посмотреть на город с самой высокой его точки – крепости Рокка Маджоре, ознакомиться с достопримечательностями коммуны и отправиться дальше любоваться Италией, а уже потом, много после «первого знакомства», родители Паоло избрали Ассизи местом нахождения своего нового дома, так Паоло и появился в жизни Адриано буквально месяц назад.

Пицца была шикарней, вскоре ее полюбил весь город, однако что-то было не так – для детей это было очевидно, ибо странности дети замечают легко и почти сразу. Со временем все больше и больше жителей города переставали не то что смеяться, а даже и просто улыбаться, главные же «коренные»-весельчаки поселения и вовсе куда-то попропадали. Полиция искала похитителей и убийц среди путешественников да местных жителей, но Адриано сразу связал факты воедино, «отделил помидоры от томатов», как любил говорить его дедушка Микело, придя к однозначному выводу, что к ситуации причастен Мауро, а его появление в Ассизи – неспроста! Паоло не соглашался с другом, убеждал, что ситуация стандартна и полиция разберётся, но Адриано не находил ничего обычного в том, что его город лучезарных улыбок; место жизни довольных и радостных людей, смею-

щихся просто потому, что хочется и творящих без того, чтобы задавать самим себе вопросы «Для кого?», «Ради чего?», «Зачем?», вдруг постепенно превращалось в серое, тусклое пространство, населенное существующими, но не Живущими людьми, потерявшими кураж бытия без того, чтобы считать собственные годы, проведенные в этом благословенном краю «за пазухой у Бога».

Так или иначе, а в один из дней Адриано и Паоло пробрались в помещение, занимаемое Мауро и его пиццерией. Страху Адриано не было предела, когда в отчего-то, скорее всего – по небрежности, незакрытом сейфе они обнаружили банки с человеческими головами, помещенными в некий раствор. В искаженных лицах Адриано без проблем узнал хорошо ему известных местных балагуров и шутников – тех самых людей, что пропали без вести. Забравшись же на чердак пиццерии, мальчики увидели множество разноцветных флаконов и некий деревянный «трехногий» столик с круглой столешницей, где имелась вырезанная пентаграмма лилового цвета, в столешницу были вделаны три большие колбы, связанные стеклянными спиралями и к каждой из колб были приделаны небольшие фиолетовые кристаллы, издающие мерное гудение, а на две из трех колб хозяин агрегата пристроил наклейки, изображающие улыбающийся человеческий рот.

Как только Адриано узрел все эти флаконы и столик, «проникся» убранством помещения, что-то в его голове

щелкнуло и пришло осознание – здесь происходит некий процесс, в результате которого люди, поедая пищу Мауро, «теряют» собственные смех и радость, по факту чего, «открывая дверь для тоски», выпускают из «дома собственной жизни» веселье. Вот она – действительная опасность чревоугодия! Оставалась неясной цель действий Мауро, однако проблемы имеет смысл решать по мере их поступления.

Адриано не знал, что делать в такой ситуации, а потому поступил так, как советовали ему поступить собственные возраст и скудный жизненный опыт – помчался домой, чтобы рассказать о сделанном открытии родителям, дабы те куда-то обратились, кому-то позвонили и кого-то вызвали, то есть совершили все то, что полагается делать взрослым в любой чрезвычайной, пусть даже и столь необычной ситуации.

Паоло следовал за другом, мальчики бежали, сломя голову; неслись, обгоняя ветер, пока Адриано вдруг не заметил, что Паоло больше не спешит к цели рядом с ним. Адриано остановился, обернулся и увидел Паоло стоящим на месте и грустно смотрящим на Адриано, с выражением лица, совместившим в себе горечь, ободряющее одобрение и гордость.

Адриано подошел к Паоло и спросил того в чем дело, поинтересовался почему друг остановился. Тогда Паоло попросил Адриано внимательнее всмотреться в лицо того, кого он считал своим другом. Адриано всмотрелся, а мальчик-который-остановился признался мальчику-который-бежал-к-

родителям, что настоящим отцом и единственным к данному времени живым родителем Паоло был как раз Мауро, а не те двое любителей путешествий, которые, находясь под воздействием зелий пиццайолы, играли роли папы и мамы Паоло для сторонних наблюдателей.

Адриано был шокирован этой новостью, в голове его роилось множество вопросов, однако всё это не важно, ведь стоит озвучить только один факт – родители Адриано больше не видели, а Мауро с сыном вскоре покинули Ассизи, забрав с собой и собственных марионеток – пару туристов, когда-то так полюбивших Италию. Да, они провели в Ассизи меньше времени, чем хотели, но их свободу никто не ограничил и путешествие по более избранного пути продолжалось...

– Мне, если понимать «я» в широком терминологическом смысле, много лет и нет смысла рассказывать, что было со мной после того, как Я стал черепом, сувениром Мауро, с которым он часто разговаривал. Стоит отметить, что по факту смерти Мауро и сына, которых однажды сумели «вывести на чистую воду» и убить, я многократно переходил из рук в руки, так и оказался на пляже, где ты меня нашел – сын женщины, которой меня «по пьяной лавочке» подарили студенты-медики на пляжной вечеринке, посчитал, что череп в квартире – явно не к добру, и закопал меня на том пляже – сказал череп по имени Адриано.

– Скажи... ты радовался, тебе стало легче, когда их убили? – любопытствовал я.

– На очень и очень короткий миг, ведь естественное горькое осознание невозможности вернуть назад свое детство, собственную жизнь, гораздо мощнее эффекта удовлетворения от того, что кто-то другой отомстил обидчикам вместо тебя – отвечив Адриано.

– Нет слов... мне очень жаль, правда, но... но к чему это всё, к чему эта история сейчас, вообще наша встреча? – спросил я.

– Ты хочешь узнать ответы на свои вопросы, но для того, чтобы что-то УЗНАТЬ, сперва необходимо кое-что ПОНЯТЬ. А сейчас приготовься, будет «проверочный тест» – сообщил мне череп.

Как только он это сказал, я почувствовал, что теряю сознание. Стало ясно, что вся рассказанная куском старой кости история была гипнозом, средством достижения контроля над моим сознанием.

Пришел в себя я в помещении мансарды, весьма аскетично обставленном. Вокруг меня во множестве имелись будильники. Все они издавали абсолютно разные звуки. Когда я отключал один будильник, в другом месте начинал слышаться звук будильника, ранее не обнаруженного.

Постепенно, невзирая на непрекращающийся, треклятый шум, в моей голове всё же «проклюнулась» мысль о том, что ведь не просто так Адриано сказал, что будет тест, значит мне нужно о чем-то догадаться, что-то сделать или, наоборот, не сделать! Ясна стала необходимость воспринимать си-

туаацию в виде своеобразного квест-рума.

Сперва я попытался отыскать все будильники, но после того, как нашел уже пятьдесят четыре штуки, а новые все продолжали появляться абы где, стало ясно, что дело не в поиске и обнаружении. Следующим моим шагом стало методичное уничтожение надоедливых механизмов. Результат оказался аналогично нулевым. Третьей идеей было попытаться осмотреть каждый из будильников на предмет подсказки или нахождения части какой-нибудь общей головоломки – усилия оказались тщетны. Ни к чему не привели и попытки просто-напросто сбежать из комнаты. Прислушивание к звукам будильников и сортировочное выстраивание этих звуков по типажам тоже показали себя тем еще бредом.

Вымотавшись и устав, я подошел к окну. Когда моего лица коснулся луч солнца, мне показалось – я понял что к чему! Светило словно бы озарило то, что раньше было затемнено, подсказав мне, тем самым, дальнейшие действия.

Более не борясь с противными звуками, не уничтожая предметы, предварительно максимально освободив разум от нагромождений многомыслия, я лег обратно на кровать так, чтобы на мое лицо падал свет единственной главной звезды Солнечной системы.

«Всё верно, вставать нужно с лучами солнца, а не со звуком будильников. Это если упрощать. Если же говорить серьезно и по делу, то необходимо слушать природу и жить в гармонии с ней, тогда тебе откроются ее тайны, то скрытое,

что ищется именно тобой и непосредственно в данный момент» – раздался голос у меня в голове, после чего я опять потерял сознание, очнувшись уже у себя в номере.

– Историю послушал, проверочное издевательское испытание прошёл, не пора ли уже открыть все карты и прояснить ситуацию? – задал я резонный вопрос порядком уже меня разозлившей черепушке.

– Пожалуй, что пора – был мне ответ.

Я приготовился слушать. Конечно в отношении черепа, скорее всего, нельзя говорить о «театральной паузе», а все же мой собеседник не сразу удостоил меня ответом.

– Мне мнится, что черепа не начинают говорить с людьми просто так, более того, я ни разу не упоминал, что до сего момента поступал подобным образом. Мог ли я говорить? Быть может. Да что там – положительно мог. Но дело не в этом. Сам момент моего «рождения» как черепа, обстоятельства этой ситуации изменения течения существования, частая смена декораций и близкое соседство с людьми развили мой интеллект, который, как представляется, имеет минимум в моем случае, «вневещественный» характер, ведь мозга-то, как органа, у меня нет. И всё бы ничего, но внезапное понимание истоков ситуации, в которой мы оказались, способность погрузить человека в гипноз и подвергнуть его разум испытанию, сам факт наших бесед говорят об одном – мир изменился или находится в процессе изменений, на пороге превращения, метаморфозы. Нет, я не знаю тех, кто по-

слал тебя ко мне, но этого и не нужно, вещей или существ, подобных мне, на Земле много, таких как ты «посланцев» тоже, сфера знаний планеты, взаимодействия людей и природы – Ноосфера гудит, а это значит, что магия готова хлынуть в мир, наполнить его, изменив. Весь вопрос на чьей ты стороне – Добра, Зла или чего-то другого!?! – излил на меня поток информации Адриано.

– Что ты знаешь о тех, кто послал меня? – спросил я моего визави.

– Очередная, пусть и хорошо организованная, группа лиц, секта со своими интересами и претензиями на мировое господство – сообщил мне череп.

После услышанного наступил уже мой черед рассказывать Адриано об обстоятельствах, предшествовавших нашей с ним встрече. Мне стало интересно его мнение, совет о том как и что делать дальше.

– Выбор за тобой, пока что ты не «в минусе» и можешь пойти на поводу у интересантов происходящих событий – высказал свое мнение тот, кто был жив, умерев.

Решив последовать совету Адриано, я посчитал нужным лететь обратно к «сектантам».

* * *

По прилёту, я тут же к ним и направился. В «Сообществе Освобождения» меня встретили приветливо, общение я

имел вновь с Карлом Эриковичем. Однако ничего конкретного и ничего интересного – он внимательно выслушал меня, покрутил в руках череп, даже и не попытавшись его забрать (я, в любом случае, не намерен был отдавать Адриано), а потом сказал, что им требуется время на компоновку фактов, по завершении же одного процесса со мной свяжутся.

– О, ну и поздравляю с сувениром из натуральных материалов – криво пошутил «решатель» на прощание.

В моем представлении, мне предстояла чередка обычных и хорошо знакомых дел – систематические и непостоянные заработки; встречи с друзьями, организованные от и до мной скорее не благодаря их содействию, а вопреки; творческие потуги, выражающиеся в озвучивании, музыкальном сочинительстве и мелком графоманстве; посещение бабушки, сопровождающееся покупкой лекарств, продуктов, мелким ремонтом всего подряд, исправлением чего-либо, что не соответствовало текущему мировосприятию моей старшей родственницы; немало времени уделялось также и проработке будущего путешествия, «приятные хлопоты» подготовки к отпуску, им, признаться, я хотел бы уделять внимание чаще, чем раз или два в календарный год...

Вот только уже на следующий день после возвращения из так называемой «командировки», девушка сказала мне, что видела очень странный сон, о содержании которого тут же и поведала...

«Во сне мы с тобой были семьей в классическом пони-

мании этого слова, ты держал лавку антикварных товаров с упором на книги и бумаги разного толка, а также время от времени помогал людям составить тот или иной документ юридического характера, я же, в свою очередь, вела домашнее хозяйство. Однажды ночью к нам в дом постучался незнакомец, которого мы, конечно же, по доброте душевнойпустили. Незнакомца звали Стилус, и он сразу же уведомил, что в нашей жизни появился, косвенно, из-за моего желания улучшить тебя, что-то в твоём характере, и, главным образом, по причине попадания тебе в руки трактата Клима Коптского. Разумеется, ты попытался выгнать незнакомца, но тот не уходил, твои же силовые попытки воздействия он моментально свёл на нет. Затем ты побежал за стражниками, но войдя в наш дом, они просто-напросто не увидели Стилуса, не заметили его, посмеялись над тобой, побранили за то, что беспокоишь их ночью, и ушли. Так стало понятно, что Стилуса видим лишь мы. С каждым днем Стилус уговорами, аргументами, рассказами, примерами и грубой силой заставлял тебя улучшать собственную физическую форму, а также давал советы о расширении ассортимента лавки и монетизации твоих юридических услуг. Ты, будучи весьма упрямым человеком, противился изо всех сил, ненавидел собственного мучителя, однако поделаться ничего не мог – твои параметры силы и воли уступали тем, что были у Стилуса. Наши отношения с тобой ухудшились, интимное «общение» сошло на нет, но чем дальше, тем больше я прони-

калась интересом к незваному гостю, твоему «злому гению». Общась с ним, я узнала, что когда-то давно он был учеником мага и ученого Клима Коптского, который однажды из-за своих для того времени весьма прогрессивных, излишне передовых и смелых взглядов на врачевание и устройство власти, вступил в конфликт с главой города, в результате чего учеников «оппозиционера», в числе коих и Стилуса, запугали, сломили их волю и заставили предать учителя. Вот только по факту этого предательства Клима Коптского не схватили, чтобы заключить под стражу, как на то надеялись ученики, а убили, изрубив мечами, в его же тайной обсерватории, куда он отправился в одну из ночей и о расположении которой сообщили врагам учителя его же последователи и во многом лично Стилус. Перед смертью, поняв, что его предали, Клим Коптский наложил на учеников проклятие, лишив их каких-либо радостей жизни (в том числе и радостей отцовства), купировав эмоциональность, продлив продолжительность существования на неопределенный, пока что, срок, но обязав самим быть учителями для тех, кто в этом нуждается или просто столкнётся с работами преданного мастера. Проклятие подействовало не сразу, ученики, те из них, кто не покончили с собой и не сошли с ума от осознания всей гнусности совершенного предательства, узнали о проклятии, найдя текст заклинания в лаборатории бывшего учителя, осознав же последствия совершенной находки, предатели ужаснулись и испугались, тем не менее всё срабо-

тало так, как и рассчитывал Клим Коптский – постепенно его ученики теряли «вкус жизни», какие-либо желания покидали их, они стали воплощением воли того, кто был ими предан, воли, выраженной через проклятие, самое же страшное, что они видели смерти всех собственных близких, в свою очередь будучи не подвластными влиянию времени. Никому из них не удалось найти или составить контрзаклятье, способное отменить проклятье – не хватило ни знаний, ни времени бытия со свободной волей. Так они и разбрелись по белому свету – марионетки эха чужой воли, «жертвы» наказания за дурной поступок.

Узнав о прошлом Стилуса, ты воодушевился, я же прониклась к нему сочувствием, постепенно Стилус стал проводить со мной всё больше времени, мы сблизились. Со временем я поняла, что влюбляюсь в него, твоя же ненависть к тому, чьей воле и влиянию ты не мог противостоять, лишь усиливалась день ото дня, укрепляясь еще и тем, что ты видел КАК я общаюсь с объектом твоей ненависти и к чему это, в твоём представлении, ведёт.

В одну из сумрачных, шквалистых ночей ты ворвался в дом с горящим взором, прямо с порога принявшись произносить с листа некий набор звуков на непонятном языке. Из соседней с нашей комнаты (именно там жил Стилус) слышался вопль, ты пошел именно туда, а я метнулась вслед за тобой, чтобы увидеть, как Стилус осыпался на пол пеплом, «опадал» кусками, ты же торжествующе улыбался (ведь

влияние убиенного тобой не прошло даром – из работы Клима Коптского ты смог составить заклинание, уничтожившее (Стилуса), я подбежала к умирающему, и он сказал мне напоследок: «У нас с тобой один род», после чего стал не более чем горстью тлена. После всего произошедшего мы развелись, так как вскоре после смерти Стилуса я поняла, что беременна. А потом я проснулась».

Мою девушку столь подробный сон крайне напугал, сам я нашел эту грезу весьма необычной и многозначной, особенно в свете недавно произошедших событий, вереница таких происшествий наверняка не случайна и имеет определенного рода связь. Девушку свою я успокоил, но сам остался встревоженным, погрузившись в раздумья.

Собственно, так шли дни, «время Сизифа» сменялось «временем Эпикура» – бумаги, клавиатура, тексты и беседы уступали место поездке в питомник хищных птиц, походу в контактный зоопарк к суррикатам, посещению экскурсии в темноте со слепым гидом, участию в «живых» квестах, где отыгрывались чужие роли в среде незнакомцев по заранее известному сценарию; о более «банальных» развлечениях и речи не идет – фотовыставки, кино и прочие караоке помогали разнообразить жизнь.

Туристическая поездка, запланированная давно, нам предстояла в Израиль, завораживающее место с одновременно многовековой, но и «юной» историей. В вояж мы поехали втроем – я, моя девушка и друг. Благодаря такому со-

ставу, появилась возможность в аэропорту, в ожидании рейса, первый раз применительно к подобному коллективу, сыграть в игру, весьма потворствующую коротанию времени, под названием «Есть контакт», о которой я узнал незадолго до поездки. Суть игры проста: один человек загадывает слово, к примеру «Пион», и называет остальным участникам его первую букву, в приведенном примере – «П», остальные, словоотгадывающие игроки, должны отгадать задуманное слово, задавая друг другу вопросы из серии: «Это не то, что помогает грамотно использовать русский язык?» (имеется в виду Правило) или «Это не ЛДПР?» (Партия), при этом вопросы задаются такие, чтобы другой присутствующий «отгадыватель» ответ понял и сказал тебе «Есть контакт», а тот, кто изначальное слово загадал, ответ на озвученный «отгадывателем» вопрос не нашел, не подобрал и не сказал бы: «Нет, это не правило» или «Нет, это не принципы (русского языка)» (ведь такой ответ на вопрос о родной речи тоже подходит), в случае, если «загадыватель» правильного слова не назовет, подходящего слова на сходную букву «П» не озвучит, он обязан назвать следующую букву придуманного им «первичного» слова («и» в этом конкретном случае), конечно при условии, если у «контактеров» при проверке действительно в головах присутствует одно и то же слово («правило» или «партия»), так до победного или проигрышного конца.

Но все «добирательные», логистические процессы закан-

чиваются, и в тот момент, когда это произошло с нами, Израиль встретил нас теплом и солнцем средиземноморского Тель-Авива.

Купание, бесплатная экскурсия от «Sandemans», посещение зоопарка и сафари-парка, прогулка по рынку Шук Кармель, фото рядом с парящим апельсиновым деревом и с «сумасшедшим домом» отметили город на «карте нашей памяти», после чего мы на автобусе направились в поселение Эйлат, чтобы побывать в парке «Подводная обсерватория», пообщаться с дельфинами в одноименном Рифе Дельфинов и, конечно, искупаться в Красном море.

Затем нас «ожидала» жемчужина страны – столица Иерусалим. И вот здесь я удивился, ведь кафе напротив нашего отеля называлось «Стилус», а магазин антиквариата, также расположенный неподалеку от отеля, носил наименование «Клим Коптский». Я спросил девушку – не был ли ее сон продиктован информацией, знаниями, которые она где-то «подцепила», но она клятвенно заверила меня, что знать не знала ни о ком из тех, кто фигурировал в ее сне, не ведала, что эти люди – не плод работы ее подсознания, ведь она считала все имена – абстракциями без аналогов в реальном мире.

Я, конечно, человек не мнительный, однако всегда считал, что Знаки имеют место быть в нашей жизни, так что подготовился столкнуться с чем-то необычным в этой поездке (насколько вообще возможно подготовиться к вещам

и событиям подобного толка). И все же эмоции брали свое, ведь Иерусалим и его окрестности богаты разными интересными местами. Храм Гроба Господня, Гефсиманский сад, Стена Плача, Иерусалимский библейский зоопарк, крепость Масада, Мертвое море, ночное историческое лазерное шоу в Башне Давида, великолепнейший музей еврейской музыки, бьющий наотмашь в самую душу израильский национальный мемориал Катастрофы и Героизма Яд ва-Шем, напоминающий об ужасах Второй мировой войны через призму великих страданий и лишений еврейского народа – все эти места «выбивали» из сознания всё, кроме того, что видишь во время непосредственного соприкосновения с достопримечательностями и необычностью страны.

И лишь вечерами, с приходом темноты, когда на улицах столицы Израиля становилось меньше «явных» людей с оружием, в силу профессии или взятых на себя обязанностей готовых защищать собственную Родину от перманентно существующих террористических угроз, а их место занимали гуляющие туристы и местные жители, у меня появлялось время не только «переварить» съеденное и увиденное за день, но и подумать о тех далеких делах, заботах и вопросах, что ждали в России. Разумеется, при таких обстоятельствах и мнимой подготовке ко встрече с Необычным, по факту воплощения этой встречи в реальности ни о какой готовности к аномально-анормальному говорить не приходится.

Так и произошло – я курил, стоя у окна и слушая песни

уличных музыкантов, выступавших прямо под окнами отеля, где мы жили. По стенам уличных зданий блуждали буквы подсветки, огоньки и отсветы, воздух был свеж, внутри меня ощущался один из тех краткосрочных, но столь ценных «моментов счастья», девушка спала... и тут я услышал обращение, сказанное мне столь знакомым, но давно уже не слышанным голосом, звук которого заставил всё моё естество замереть!

– Здравствуй, сынок – за моей спиной произнес кто-то, просто обязанный оказаться моим умершим отцом.

С дрожащими руками, во власти озноба, я обернулся...

– Папа? – поразился я, еще даже толком и не разглядев говорившего...

* * *

– Да, родной, это я, не во плоти, конечно, но в остальном – он самый, твой папка, который так любил подтрунивать над тобой, говоря: «Бей отца, пинай отца, продай отца в ломбард» и всё в том же духе – дружелюбно, приветливо и полусутопя сказал мне человек, который, как я надеялся, был моим «СНОВАотцом».

На какой-то миг мне показалось, что взор мой заволокло тьмой, что темнота сочится, растёт прямо из моих глазниц – так сильно расфокусировалось мое зрение, столкнувшись с чем-то шокирующим, тем, чего не могло быть, но что

было!

– Папа, папочка, как я рад тебя видеть... прости меня. Мне так хотелось это тебе сказать! Прости, что всего лишь два-три раза в год бываю на твоей могиле; что вспоминаю реже, чем следовало бы; прости, что тогда, в ответ на отчаянную просьбу продать квартиру, чтобы ты смог уехать поправить излечиться в Израиль, сказал, что от продажи недвижимости не будет толку, так как тебе уже не помочь – я знаю, что лишил тебя надежды и сил, уверен в этом; прости, что мы общались меньше, чем следовало; извини, что не часто приходил к тебе, когда ты уже безвылазно лежал дома у бабушки, ближе к концу, убегая от собственных болей лишь горестными воспоминаниями о несделанном и прошедшем да звуками любимых песен вперемешку со строчками любимых книг... Мне так жаль, что на концерты твоих групп-кумиров теперь я хожу без тебя, ужасно, что больше мы не празднуем твоих дней рождения, а с моими ты не поздравляешь меня утром раньше всех в твоём «обычном стиле», и как же часто я грущу, что ты ни разу так и не надел задорого купленной одежды, что не общался с моей девушкой и так мало знал моих лучших друзей – тараторил я, обливаясь слезами, которые появились на лице как-то почти сразу, стоило мне лишь начать говорить.

– Ну же, сынок, успокойся, я ни в чем тебя не виню, все случилось как случилось, и я сам виноват, что всё так запустил, главное ты не повторяй моих ошибок, я тоже так

рад тебе, столько мог бы сказать, но... но я здесь ненадолго и не за этим – проговорил отец.

Если так вообще можно было выразиться, он выглядел «хорошо», то есть совсем не так, как я запомнил его в последний раз, не так, как он выглядел, лёжа в гробу. Пухлые щеки, широкие очки в роговой оправе, искренняя, слегка лукавая улыбка, коротко подстриженные волосы, любимый свитер с большим V образным вырезом, от которого, к прискорбию, мне пришлось избавиться, оставив его на помойке «в подарок» бомжам. И странное дело – папа был спокоен, нас с ним будто бы окружал ореол некоего пространства умиротворения, «паузы», наверное поэтому моя девушка всё так же спала себе, посапывая, не просыпаясь от сотрясающих меня рыданий и громких слов и, допуская, наблюдая сон «по мотивам» странного местного мультфильма, увиденного по ТВ, в котором грибы просили «тихого охотника» не срезать их в обмен на то, что за его милосердие, по первому желанию человека у него на столе будут появляться ягоды – враги грибов, немилосердно ими истребляемые.

– Папа, я так желая всё исправить, но не могу, так что прошу – наставляй меня в моих решениях, «не забирай» бабушку – я так хочу еще порадовать ее, улучшить «пензионерское» жизненное положение, она же мой последний близкий человек – хватит с неё уже и детства с побегом от наступающих немцев; проживания с больной матерью в бара-

ке, где даже вода замерзала, а вещи пропадали благодаря одноклассницам; должно же у человека быть нечто большее, чем вереница «хронических» смертей мужа, любимых собак и кошек, единственного сына, лучшее, чем воспоминания о вечной смене квартир ради того, чтобы дать пожить в собственной квартире вашей со мной и матерью тогда ещё молодой семье. Не хочу, чтобы она так часто, как сейчас, думала о «болячках» и про то, как искала хлебные корки под крыльцами хлебных магазинов в послевоенные годы; вспоминала, как на коленях, пару раз и при мне, умоляла твоих кредиторов не убивать тебя и не калечить за просроченные долги, «дай» ей еще здоровья, сил и желания пожить – взмолился я.

Папа погрустнел, будто вспоминая, задумался...

– Сделаю что смогу, сынок, но могу я не так, что бы много – ответил он слегка «отяжелевшим» голосом. – Мне нужно переходить к главному, но обязательно скажу – цени, что имеешь, всё, часто кажущееся только лишь «мелочью» – возможность подремать в ванной, покушать вкусную еду, попутешествовать, погулять и подышать воздухом, встретиться с друзьями; старайся не жить так, чтобы доказывать окружающим и себе, что у тебя есть Значимость и Свобода через трудоголизм, пристрастие к алкоголю, детей, вымученное творчество и всё в таком духе – нельзя жить через «плохо» и «тяжело» только потому, что «надо» и «главное – перетерпеть». Всё же, мой милый, сказанное – важно, но –

не главное теперь, вернее – главное, однако не прямо сейчас. Запомни – ты увидел меня здесь, в Израиле, не просто так, насколько знаю, Он заключён здесь и Он освободится, мне известно, что ты один из девяти и тебе предстоит сделать выбор, главное сделай верный выбор, мне не хотелось бы, что бы ты был во Зле и со Злом, я переживаю за тебя, сыночек-щщщеченочек, а потому говорю это всё, большего сказать не могу, так как, ты, наверное, уже чувствуешь – запахло цветами, а эти цветы запечатывают мой рот, запрещают сказать больше и точнее, забирают меня, уж прости, я тебя люблю, скучаю, мне тебя не...

...договорить папа не успел, он стал блекнуть, я шагнул к нему, попытался обнять и руки мои даже почувствовали некое уплотнение пространства, «тающее» под пальцами, и вот его не стало... опять, я плакал, был рад, но плакал, светлая грусть, клятый мажорный минор.

Немного переждав, отдышавшись, при этом всё ещё находясь во власти эмоций, по парадоксальному стечению обстоятельств, руководствуясь абсолютно алогичными мотивами, я схватил телефон и выбежал в коридор, где, по счастью, никого не было – захотелось позвонить матери и сообщить о случившемся.

Пока шли гудки, моя голова снова начала относительно сносно думать: «напоминать» самой себе, что за десять лет, прошедших со дня похорон отца, мать ни разу не была на его могиле, скорее всего изменяла ему при жизни и всегда гово-

рила мне про их отношения так, что сомнения в когда-либо имеющейся у неё к папе любви волей-неволей закрадывались в душу. Она не брала трубку. Чем она была занята? Спала? Употребляла алкоголь? Где-то гуляла или находилась у кого-то в гостях, жалуясь на ничего не добившегося сына и «злую» судьбу, заставляющую её работать « всю жизнь »?

Но тогда почему меня « потянуло » набрать именно ей, а не разбудить телефонным звонком бабушку, либо руками и звуками Анастасию, что было бы гораздо логичнее? Неужели это клише о « полной » семье, состоящей из матери и отца, до сих пор преследует меня, спустя все эти годы и смерть? Глупец во власти никому не нужных миражей и фантомов, порожденных социальными правилами других, счастливых в этом плане людей. « Полную » семью родителей не вернуть, ничего не исправить, как бы не хотелось... Но гудки так и не прерывались ответом, что дало мне возможность сбросить звонок. Вспомнилось, что она всегда любила сирень. Завернуть в цветки сирени камень и отдать... Да ладно, чего уж там...

– Что случилось? Что ты здесь делаешь? – спросила у меня Настя, вышедшая из номера в обнимку с плюшевым зайцем цвета крем-брюле по имени Большешлапка.

– Ничего, вернее многое, важное – сбивчиво ответил я. Я рассказал ей о том, что произошло, она явно не поверила, решив для себя, что мне всё приснилось и рассказанное

мною – вариация поведения из серии действий, когда ночью я вдруг начинал искать в постели змей или бежал к входной двери квартиры, проверяя заперта ли она. И мне не в чем было её винить, потому как хоть жизнь и бывает необычной любого фильма или книги, но не всегда и не для всех, а соседи, вопреки моим опасениям, так за много лет и не своровали у нас что-либо из вещей, расположенных на лестничной клетке.

Постепенно я успокаивался, и мы отправились спать, «убив на ночь» свет. Она что-то говорила мне, но все мои мысли были о только что произошедшем, я словно бы вновь оказался на представлении пражского театра теней, где одни события сменяли собой другие, являясь диаметрально противоположными, но одинаково «прошибающими» насквозь. О каких девяти шла речь? Очень хотелось спросить об этом Адриано, но я не рискнул провозить с собой через таможенную в другую страну человеческий череп, отдых и кости – подобное «монтируется», наверное, лишь у рок-звезд, сатанистов, некромантов и прочих «обособленных» групп населения, к которым я не относился, тем не менее, сейчас совет черепушки оказался бы очень кстати.

Шло время, она уже вновь спала, а ко мне сон не шёл, возможно ожидая, когда я начну считать овец, прыгающих через забор или енотов, вереницей залезающих в мусорный бак. Слёзы не лились, но явно были «на ближних подступах» к глазам, я думал, думал, анализировал, но всё-таки,

наконец, заснул, отчего-то с «крайней» мыслью о возможно оставшихся следах эктоплазмы на ковре...

Первой мыслью при пробуждении была убежденность. В том, что вместо трелей птиц я слышу звуки воды в унитазном бачке (прямо-таки идентичные вещи!), и в том, что произошедшее вчера действительно случилось, а не было галлюцинацией или чьей-то направленной мистификацией.

Вспомнился ясный и жаркий день на даче, где отец, сидя в старом кресле среди теней, созданных крышей крыльца, рассказывал мне об ошибках и утратах собственной жизни, о предательстве друзей и одиночестве. Невеселые разговоры перемежались просьбами мягко и «вкрадчиво» помассажировать стопы, а также шутками бытового характера. Папа умел «разбавить» беседу легким и высокоценным юмором. Тогда я зачем-то записал наш диалог на телефон и теперь очень захотелось его переслушать...

Пока я думал, Настя уже смеялась, желала как можно насыщеннее и приятнее провести пару оставшихся нам в этой стране дней, а я...я, разумеется, был «отравлен» вчерашним и никакие кулинарные вкусоности на завтрак не могли перебить горести «послевкусия» диалога с тем, кого давно потерял и по кому скучал.

Пока мы ели, девушка рассказывала, что снилась ей какая-то ерунда про то, что, проходя мимо, она не подняла с асфальта гвоздику, которую ветром сдуло от памятника героям Великой отечественной войны, в расплату за что ночью

ей являлись кошмары о битвах тех кровавых лет, хотя знаний про эти битвы у нее, по сути, не имелось. Сон во сне, сон о сне. Необычно. И всё же я оставался «обособленным» и задумчивым.

Жизнь может быть сильнее «отравляющих» раздумий, а потому прогулка по арабскому рынку, подбор подарков-сувениров друзьям, близким и самому себе, воздух чужой столицы – всё это постепенно заволокло легкой дымкой вечер вчерашний, переключив основы моего внимания на сегодняшний день и спутницу, находившуюся со мной рядом.

Больше оставшаяся пара дней до возвращения домой ничем не запомнилась, разве что приятное впечатление произвел уличный музыкант, с душой и вдохновенно исполнявший песни Боба Марли вперемешку с собственными, чем весьма меня порадовал. К прискорбию, я «смалодушничал» и не купил диск с его альбомом, а в интернете песни музыканта звучали уже как-то совсем не так, несравнимо с «живым» звуком.

Дома особо ничего не изменилось – какие-то магазины закрылись, какие-то открылись, но в целом всё осталось так же. Это не плохо, иногда подобная «стабильность» даже приятна, этакая «тихая гавань» после «бури» впечатлений от путешествий.

Помывшись, поев, разобрал вещи, поиграв с котом и слегка поспав, я, удостоверившись, что не привлеку излишнее внимание девушки, вышел на этаж, чтобы там угоститься си-

гарой и поведать о пережитом черепу Адриано, дабы услышать умозаключения этой многоопытной «формы жизни» о том, что я ему поведаю. Может я и не доверял его историям, но хотел доверять озвученному опыту.

* * *

Когда я в подробностях рассказал Адриано о пережитом в поездке, череп почти сразу заявил, что для ясности необходимо поподробнее узнать про цели членов «секты» с названием «Сообщество освобождения». К подобному умозаключению ранее пришел и я сам, однако весь вопрос состоял в том «Как воплотить задуманное в сделанное»?

Мой новообретенный товарищ настаивал, чтобы я не волновался, говорил, что у него есть идеи, но нам потребуется помощь.

«Помощь так помощь» – подумал я и спорить не стал.

За помощью мы отправились в Музей теней на Большой Конюшенной, Адриано проинструктировал, что на входе мне стоит сразу представиться и сообщить, что я к Стевии. Инструкции мной были исполнены в точности, по странности, никто из работников даже и не спросил отчего я пришел с черепом, кроме того, к моему удивлению сотрудники лишь безропотно и без лишних вопросов проводили меня в отдельно расположенную маленькую комнату, где имелись только стул да маленький столик со стоящим на нём проек-

тором, направленным на белую стену. Дверь за мной заперли. Я сел на стул.

Вскоре на стене «обозначилась» тень, быстро принявшая формоочертание кошки.

– Приветствую, Адриано, сколько лет, сколько зим... Кто это с тобой и чего вы хотите? – деловито осведомилась «кототень».

– Стевия, и я рад тебя видеть. Вижу, что ты жива и здорова, приспособилась к условиям данного времени, у тебя можно лишь поучиться. Со мной мой товарищ, этого знания тебе должно быть достаточно. А пришли мы за помощью, нужно пробраться кое-куда незамеченным, и помощь мастера теней была бы весьма кстати – сказал Адриано.

– Что ж, это возможно, но в мире, вообще, возможно многое, так что какая с твоей просьбы выгода мне? – поинтересовалась Стевия.

– Знания, уважаемая, знания и участие в том, что происходит, а в факте проистекания весьма необычного процесса прямо сейчас, пока мы говорим, мне тебя убеждать не нужно – ответил череп.

– Да, пожалуй, что меня устроит обозначенная тобой цена, но есть одно условие – я стану тенью той оболочки, в которой ты обитаешь – произнесла «теневая» кошка.

– Принято, валяй – сообщил Адриано.

– Тогда в нужный момент нужно просто сказать «Прими меня в тени, Стевия» и всё будет в лучшем виде, невидимым

станет произнёсший это и всё, чего он намеренно касается – уверил силуэт «той, что гуляет сама по себе».

– А давно вы знакомы? – спросил я.

– «Давно» или «недавно» – понятия субъективно оценочные, исходя из продолжительности твоей жизни скажу, что наше знакомство со Стевией весьма «стАро» – проинформировал меня мой спутник.

Кошка-тень рассмеялась и ее изображение сошло с освещенного участка стены куда-то во тьму окружающего пространства, однако я заметил, как «часть» тёмной субстанции сгустилась в нечто, напоминающее собой длинный фуэт и «забралась» в правую глазницу принесенного мной черепа.

Я покинул сие прекрасное место, любезно со всеми простившись и «обогатившись» на одного спутника.

Далее настала пора небольших «техническо-оперативных» изысканий, в результате проведения которых я установил адрес проживания «старого знакомого» – «решателя» Карла Эриковича.

Ранним утром следующих суток, дождавшись, когда Карл Эрикович покинет дом, я произнёс озвученную мне «мантру» и, посмотрев в зеркало дабы убедиться, что я – всамделишный невидимка, направился к жилищу «решалы». Я абсолютно не опасался возможных проблем с проникновением в место обитания КЭ, ведь человек из далекого прошлого в своё время обучил меня сносно взламывать замки, а замок Эриковича я «рисовал» еще вчера, как бы случайно прогу-

ливаясь неподалеку от его дома. У меня было семь потенциально подходящих ключей-отмычек и, естественно, один все-таки был тем самым. Моя же догадка про отсутствие видеофиксации на «месте преступления», к счастью, подтвердилась. К моему удивлению, отсутствовала и сигнализация, а также хоть какая-нибудь, пусть и самая «завалющаяся», собака, охраняющая дом.

Жил «сектант» не бедно и это ещё мягко говоря. Одно германское массажное кресло, ориентировочно стоящее полмиллиона рублей, уже говорило о многом. Но меня интересовало иное. Как объяснил Адриано, нам требовался волос господина «решателя», чтобы мой спутник смог считать его мысли. Искомое обнаружилось на подушке в спальне. Взяв волос, питаемый надеждой, что этот волос принадлежит действительно «цели», а не абы кому из «любимок», я засунул его в носовую полость черепа Адриано. С минуту ничего не происходило, затем стал слышен какой-то нарастающий звук будто бы закипающей кастрюли с варевом, чуть погодя из всех отверстий головной кости начала вытекать пузырящаяся субстанция, наиболее всего фактурой напоминавшая жвачку, от этой субстанции исходил не то пар, не то дым, вдохнув который, я потерял сознание.

Пришел в себя я в полностью белой комнате, опознанной мной, по факту ее осмотра, как комната для душевнобольных – такая, как ее показывают в американском кино, то есть – подозрительно целая и чистая.

Передо мной в смирительной рубашке на пластиковом табурете сидел вроде бы как Карл Эрикович, собственной персоной, раскачивающийся из стороны в сторону и странно на меня смотрящий.

– Знаешь, что делала моя жена перед смертью? Ночью стирала свои трусики, будила меня и говорила, вешая их на форточку сушиться, что сейчас она выпьет побольше таблеток, а завтра я должен буду одеть это чистое нижнее белье на ее мертвое тело, чтобы так, в «свежем», она была похоронена. И она беспокоилась за эти трусики, говорила, что их могут украсть в морге, подменив «дешёвкой». Еще жена любила выпить, засыпать пьяной и писаться под себя. А ещё, а ещё она постоянно, в какой-то момент возлияний с гостями, друзьями-подружками, обвиняла их в том, что они украли её золото и заставляла всех его искать под угрозой вызова полиции, хотя всегда выяснялось, что золото от гостей она прятала сама в самом начале вечера, о чём спьяну забывала – огорошил меня странной информацией некто, напоминавший Карла Эриковича.

– Не бойся, он говорит то, о чём много думает, что вспоминает, так и эдак гоняя в голове, собственно, мы и есть в ней, её части в удобоваримом для тебя виде – пояснил мне Адриано, «расположившийся» в углу странной «комнаты».

– «Всё чудесатее и чудесатее» – процитировал я вместо полноценной ответной реплики.

– Спроси у него то, что тебя интересует, наведи на нужную

мысль, и мы узнаем важное, нужное, из-за чего и оказались тут – посоветовал череп.

– «Я не красавчик, чтоб все с ума сходили...» – запел «решатель», – Вы все просто ждёте моей смерти, вот – берите мою банковскую карточку и купите на всю сумму, имеющуюся там, алкоголь, чтобы мы могли как следует напиться и помянуть мою супругу так любившую упрекнуть меня тем, что я живу, а не прекратил этот процесс "вертикальным" или каким-либо ещё способом, избавив ее от подобной обузы несбывшихся чаяний, которой я для нее являлся – изливал на нас вербальный поток собственных мыслей «сектант».

Поняв, что так можно услышать ещё много всякого-разного, большинство из которого мне будет не интересно, а то и вредоносно, я прямо спросил КЭ что такое «Сообщество освобождения», чего они хотят, и кто такой «Узник», который должен вот-вот пробудиться.

– Узник проиграл, проиграл давным-давно, скоро будет 500 лет как. Убить его нельзя или очень сложно, как съесть воздух, да, да, съесть воздух! Ам! Но срок заключения выходит, и он освободится, магия снова вернётся в мир и мы будем владеть ей, властвовать над миром, у нас есть чума – мы выпустим чуму и за лекарство, за копию копии настоящего лекарства, чтобы не умирать, люди будут подчиняться нам, никто не знает, а мы знаем и такие, как ты, что не умерли, ища, и не пропали, что нашли и сообщили, вы указали – мы правы, правЫ, как правши, правдивые правши, что не оши-

баются, а знают, мы знаем, мы будем властелинами – говорил тот, чье имя начиналось на букву «К.».

– Ну я примерно что-то в таком роде и предполагал, даже говорил тебе, если помнишь, однако всё несколько серьезнее, чем мне представлялось, есть над чем подумать... головой – несмешно пошутил Адриано.

– Да уж... – успел сказать я, словно бы проваливаясь в сон (если судить по самоощущениям).

Открыв глаза я понял, что лежу на паркете. Так. По логике, паркет, стало быть, находится в доме. А дом? Дом принадлежит КЭ. Всё вспомнилось. Поднявшись, обтерев от «жвачки» «фактуру» Адриано и расположенные рядом с нами поверхности, я поспешно засобирался домой. Об отпечатках можно было не волноваться, ведь перчатки были на мне.

Уже дома меня прошиб озноб. Пара коктейлей из «William Lawson's Super Spiced» и ванильной колы помогли с ним справиться.

– А с вами интерессно, оказывается – слегка удлинняя произношение буквы «с» проговорила Стевия, в виде тени с кошачьими очертаниями появившаяся на стене моей квартиры.

Я вздрогнул. Затем изрядно глотнул из стакана, половина содержимого которого была мной благополучно разлита по факту фразы «кошкотени», услышанной внезапно.

– Что мне делать со всем этим, как, вообще, я оказал-

ся участником всего этого и почему? – спросил я Адриано и Стевию.

– Брось эту рефлекссию, она абсолютно неконструктивна, поздно уже удивляться. А что делать? Надо подумать. Не рвать с места в карьер – сказал товарищ череп.

– А ты что скажешь? – обратился я к «мастеру тени» персонально.

– Скажу, что я пока остаюсь, думаю, что имеются резоны некоторое время находиться с вами рядом – произнесла «тень-кошка».

«Да, то ли от них никакого толка, то ли я, действительно, излишне тороплюсь, а ведь говорил мне преподаватель ещё в ВУЗе – «Не торопитесь, а то вас съест рысь!»...» – подумал я.

Том Уэйтс в одноименное песне пел, что это конец пути-дороги, но мне так не казалось.

– Скажи, Адриано, он знает, что мы были в его голове, что нам известны его секреты и переживания? – поинтересовался я, будучи внезапно озаренным мыслью.

– Такая вероятность есть, но она не очень велика, встречаются, конечно, люди, способные настолько хорошо контролировать собственный разум, управлять памятью, но их мало, а судя по тому, что он нёс до того, как ты спросил о важном, Карлуша – не из таких – успокоил меня череп, которому, в отличие от меня, для успокоения выпивка явно не требовалась.

– Я тут подумал – неплохо было бы пообщаться с этим Узником, это возможно? – поинтересовался я у Адриано.

– В теории – да, на практике – зависит от множества факторов, например от того насколько полно ты раскрыл собственные внутренние силы и возможности, от твоей действительной силы желания пообщаться с Узником, наконец, от его собственной готовности контактировать с тобой – сообщил мне череп.

– Я бы попробовал – заверил я «голову без всадника», – что для этого нужно?

– Всё одновременно просто и сложно, необходимо погрузить тебя в гипноз – это элементарно, контакт имеется, ты в курсе, а дальше тебе придётся самому понять, что и как делать, просто осознай – взывать к кому-то столь могущественному, ожидая от него ответа, да еще и в условиях неопределенности географии бытия адресата – единой «дорожной карты» действий, устоявшейся последовательности операций нет и быть не может – объяснил мне Адриано.

– Готов попробовать, где бы я ни оказался – мне нужна определенность! – заверил я.

– Хорошо. Итак, у меня есть «мост» с твоей психикой и подсознанием, ты это знаешь, так что просто слушай мой голос и думай о цели, размышляй об итоге своего погруже-

ния... себя... концентрироваться... умолкает – говорил Адриано, постепенно «затихая» в моей голове...

...Я находился на дне глиняного карьера, богато «декорированного» оттенками разных цветов, среди которых преобладали красный и песочно-коричневый. Растрескавшаяся поверхность глины сменялась углублениями с водой, в одном месте даже и «озерцом», а кое-где из земли проросли цветущие деревца, сочный зеленый окрас которых ярко контрастировал с безжизненной, но столь прекрасной фантазмагорией цвета холмистого пейзажа вокруг меня, придавая всему пространству «ноту» сюрреализма. Почему я оказался здесь? Нужно ли искупаться в этой явно «мертвой» алой воде, чтобы «стать козлёночком»? Или мне стоит попить ее? Вырвать одно из деревьев? Некого было спросить, так как внутри моего сознания, по недоработке, нет экскурсоводов, готовых что-то подсказать одному из поголовья паствы туристов, которые явно бы «частили» на эту странную локацию ради красивых фоточек, будь она вещественна. Незаметно «подкравшись», подул ветер и я, вспомнив крестьян с рисового поля из китайского фильма, закрыл глаза, раскинул руки, отдался овевающим потокам ветра, наслаждаясь ощущениями «природной» ласки и свежести. В какой-то миг я наполнился истомой удовлетворения, тут внезапный словно бы толчок, сотрясший изнутри, побудил открыть очи, в результате на мгновение где-то вдали, на склоне, я неясно увидел черную, скорее всего человеческую, фигуру, пропавшую, од-

нако, стоило мне моргнуть и потерять «нити» ранее испытанных удовольствий. Солнце принялось «припекать» как-то сильнее и я, опасаясь последствий, решил сбежать в редкую здесь тень, оставив «марсианские» места «на растерзание» воздействию светила.

Странное дело – стоило мне только переступить границу между светом и тенью, милосердно сформированной псевдоскалой, как стало ясно – пространство изменилось, тень впереди, вроде бы как должная «всего лишь» находиться у подножия псевдоскалы, становилась глубже, непрогляднее, словно бы «набирала» слои темноты, трансформируясь в некий туннель, куда, естественно, мне точно необходимо было попасть.

Пройдя по туннелю, я оказался уже не в карьере, а в пещере, полной стылой, жидкой грязи, лужиц с водой, острых камней, скользкого безмолвия и, скорее всего, летучих мышей. Пещера была темна, но мне странным образом удавалось разбирать предметы окружающего меня пространства достаточно четко, а не только лишь очертаниями. Вскоре стало различимо, что на некоторых камнях имелись надписи. Приблизившись к одной из «природных стен», я прочёл: «Когда мне исполнилось тридцать, шуточные воспоминания школьных товарищей о проделках и забавах тех дней совместно с нашими однокашниками перестали веселить, вместо этого пришел вопрос: «Кто из них еще жив и не «перемолот» жизнью?». Эта длинная надпись являлась одной из мо-

их собственных «крайних» мыслей с претензией на афористичность. Но почему она так старатель записана здесь, углем на камне? Что это означает? Некоторое время стремясь «обмозговать» данную мысль, я стоял в нерешительности, а потом пришел к выводу, что подобный «словесный понос», возможно, не означает как раз ничего, вернее наоборот – указывает путь к тому, что необходимо очистить собственный разум, «отпустить» ворох ненужных умствований. И тогда я закрыл глаза, погрузился во тьму, попытался «слиться» с ней, ощутив в собственной индивидуальной ничтожности величия меня же, но уже как часть эгрегора планеты. Сколько времени тело мое провело там, в «пещере», человеческая плоть среди обжигающе холодных камней? Не знаю. Не важно. Однако, уже знакомо, в какой-то миг откуда-то из нутра стала подниматься радость, но в момент, когда она, казалось, подступила практически к самому горлу с явным намерением «расползтись» по всему телу, я услышал звук сдвигаемого тяжелого предмета, после которого в конце пещеры завиднелся свет явной природы солнечного дня.

Опасаясь, что сущее может неудачно пошутить и подложить мне свинью не в виде вкусного и сочного, хорошо прожаренного шашлыка, я, тем не менее, направился к выходу. И не зря. «Наружу» я выбрался из скалы, расположенной на берегу прекрасного и величественного водного порога, райского, как мне кажется, места для любителей сплавов, если бы таковые осуществлялись в моей голове. Вода бур-

но, но ритмично и мерно стремилась куда-то вдаль, по колее лишь ей известных дел и целей; летали птицы, воспринимаемые мной, далеко не орнитологом, как чайки; воздух насыщал легкие истинно свежим воздухом. Одухотворившись увиденным, я так и сел не видя куда, чтобы замереть, проникнуться этим видом и звуками. И без каких-либо переходов, мне вдруг просто стало легко и хорошо. В этот момент на другом берегу порога я увидел человека, как-то сразу стало ясно, что именно он «явился» мне на карьере и, скорее всего, он и никто другой имеет отношение к появлению в пещере «нити Ариадны» в виде дневного света, указывающего как покинуть один из зёвов земли. На меня снизошло откровение – моменты счастья – вот в чём дело, ведь как только я испытывал счастье, мне на глаза появлялся сей субъект. Скорее всего зримый мной человек и есть Узник, ну или некое его воплощение для моего восприятия. Моменты счастья – не просто те мгновения, ради которых стоит жить, за которыми стоит гнаться, это еще и переходное состояние, проясняющее вечный туман внутри души и разума человека, дарующее людям Понимание. Всегда это знал, а сейчас «вспомнил»! Прыгая по камням аки горный козел, я перебрался на тот берег. Человек («Узник?») уже удалялся глубже в лес, тем самым ведя за собой. И всё же он обернулся, посмотрел на меня, улыбнувшись. Удивительно, представляя его каким-то иным, увидел я человека с монголоидными чертами лица, с явным нервным тиком под левым гла-

зом и небольшим вертикальным шрамом под правым. Но что такое национальность? Очень часто – данность, не больше, ведь человек может никогда и не бывать там, где «побывали» его гены, но «носить» на себе явные «отпечатки» ареала проживания той или иной этническо-национальной группы.

Он шел не быстро, но нагнать его не удавалось. К удивлению, это не пробуждало в моей метущейся натуре диссонанса, наоборот – путь воспринимался как нечто важное, само собой разумеющееся. Значит – надо, значит – необходимо! Когда я услышал кукушку, невозможно было сдержаться от «вечного» вопроса: «Кукушка-кукушка, сколько мне жить осталось?», потому сдерживаться и не стал, озвучил вопрос, однако ответ совсем не порадовал – было всего лишь два «Ку-ку». Прямо какая-то «кукушка апокалипсиса». Сперва слегка расстроившись, всё же сумел напомнить себе, что, вообще-то, мы с мерзкой птицей вроде как внутри моей головы и воспринимать ее обособленно от моих же желаний не стоит, по факту чего вполне вероятно, что два «ку-ку» – это только лишь две бутылки прекрасной «медовухи» Mjolnir, которые я надеялся выпить по «возвращении в себя».

Но путь всё продолжался, я уже стал уставать преодолевать тальвег за тальвегом. Наконец, вот она – остановка и «финалочка», костерок, возле которого присел мой «поводырь». Не просто присел, а прямо-таки удобно расположился, достал гитару и запел песню, в которой не было слов, лишь звуки и красивая переливчатая мелодия, забыть кото-

рую я не в силах, но и запомнить так, как нужно для того, чтобы напеть другим – тоже.

Не желая оскорбить поющего человека, я не перебивал исполнителя, просто молчал и внимал. Когда песня закончилась я сперва вскрикнул: «Блестяще!», а потом, будто придя в себя, спешно спросил: «Это ты – Узник?». «Монголоид» улыбнулся, аккуратно положил гитару и растворился, а эхо моего вопроса звучало вокруг странным образом: «Узник, узник, узник, я – узник, узник, узник, а кто не узник, узник, узник?».

На этом всё, конец «похода», я пришел в себя, но пережитое, увиденное – провал или неразгаданная победа, пусть и частичное, но достижение цели? Вопросы, вопросы...

Адриано и Стевия были там, где я их и оставил, хочется думать, что изнывали от любопытства (поди-ка установи в отношении черепа и тени так это или нет!). Я поведал им о том, что со мной произошло и сам спросил: «Что это значит?»

Ответила Стевия: «Что он тебя не отринул, что ты ему небезинтерессссен».

– Тут самое важное – песня. Как жаль, что ты не можешь воспроизвести ни ее слов, ни мелодии, уверен, что она – ключ и послание, впрочем, сегодня ночью, когда ты будешь спать, я попробую что-то извлечь из твоих сновидений – изрек Адриано.

– А если мне приснятся огромные колеса, вкатывающиеся

в город, чтобы захватить его, задавив всех людей? – поинтересовался я, находясь в некотором смятении.

– Очень специфический «выбор» возможного сна, но мне – без разницы, даже если в дрёме ты будешь торговцем рыбой, уснувшим на прилавке, в результате чего рыба сгниёт, и ты умрешь, отравившись испарениями гнили, дыхательно втянутыми тобой – абсолютно не важно, для меня все эти «сюжеты» – фон, декорация для работы криптографа кода твоего сознания – объяснил мой «костяной» друг.

Пережитое заставило меня вспомнить все те места, где я бывал, путешествуя, так что я направился ностальгировать, смотря фото и видео из походов и вояжей, как внутрirosсийских, так и зарубежных. По, для кого-то, возможно, странному стечению обстоятельств, наибольшее количество «моментов счастья» я переживал как раз-таки в путешествиях и пусть эти моменты практически никогда не длились более пяти минут, но разве это плохо, мало? Не думаю. Всегда считал, что нужно хотя бы ПЫТАТЬСЯ ценить то, что имеешь.

Сентиментальность взяла верх, и я стал рассказывать об увиденных местах и странах Адриано и Стевии, однако вскоре мои истории уступили место историям черепа и тени. Конечно же они видели намного больше моего, возможно даже, что всего, чему они стали свидетелями, и не расскажешь даже и за неделю, однако сейчас, этим вечером, плавно переходящим в ночь, необычная парочка делилась друг с другом и со мной неким «срезом» из поездок, странное де-

ло – обычно не люблю слушать о путешествиях других людей, раздражаюсь, но сегодня всё было иначе, и я с интересом внимал рассказам моих товарищей.

К сожалению, полностью расслабиться не удавалось, встреча с Узником, пусть и в том необычном формате в каком она состоялась, не давала покоя, становилось ясно, что истории о нём и про него – не просто выдумки, раньше, даже несмотря и на «свидание» с папой, я, всё же, как-то сомневался в их истинности, быть может в попытке отринуть правду, а теперь уяснил, что попал в эпоху локальных, моих личных перемен, жить в которую обычно желают лишь врагам.

* * *

Я находился в прострации. Для перезагрузки ума и структурирования фактов необходимо было отвлечься. Отличным способом реализации данного намерения показалась приборка в шкафу, где вперемешку валялись прочитанные книги, страшные маски, небольшие музыкальные инструменты, сувениры из путешествий, билеты и прочее.

Наводя структурный порядок, я натолкнулся на коробку с открытками, детскими рисунками и вырезками из журналов. К моему удивлению, в коробке обнаружился и почтовый конверт с надписью «Мне» в поле адресата. Почерк оказался знакомым, вернее даже – хорошо известным, так как он был

моим. Я стал читать.

«Здравствуй, будущий я. Тебе пишу именно «Здравствуй», а не «Привет», так как считаю, что твоё здравствование важнее простого приветствия. Ведь если всё хорошо с тобой, то и у меня всё в порядке. В свои пятнадцать мне это понятно.

За последнее время не произошло ничего особо интересного – я закончил записывать в тетрадку перевод биографий персонажей игры «Mortal Kombat», который сам и выполнил. Наконец-то собрал полную коллекцию драконов с пакетиков «Invite», но теперь буду пить только «Zuko», а если не будет хватать денег, то «Yuri», так как «Инвайт» приелся, да и вкус у него не такой насыщенный. Удалось полностью заполнить журнал стикеров «Жуткие монстры» – наконец-то нашел сто тринадцатый номер. Сегодня написал рассказ про то, как бедные медвежатки, у которых царский сын Андрей Еремеевич съел весь мёд и не поделился, отомстили ему, сожрав жадину. Мне всегда казалось, что эпизод с переправой в «Варваре-красе, длинной косе» – очень грустный и толстяка-обжору нужно наказывать! Так я и исправил «киношную» несправедливость!

Ну вот, о жизни тебе рассказал, не знаю зачем, просто вдруг ты забыл себя, а теперь – к главному. Это письмо я тебе написал, так как меня попросил так сделать какой-то незнакомец, подошедший к нам с Антоном вчера, и подаривший мне кассету с альбомом Scooter «We Bring the Noise!»,

а также пять полос шипучей карамели «5+». Мужик убедил меня, что знает папу, а я ему поверил, ведь у него было смешное имя, как из комиксов – Уз. Он сказал, что ты, когда это всё читать станешь, будешь растерян, дал мне книгу и попросил написать тебе, ну, то есть себе будущему, письмо, в котором объяснить как ее найти и где забрать спустя годы. Тут, по правде говоря, есть для тебя одна проблема, потому что спрятать книгу дядька попросил не дома, а где-нибудь в другом городе, в надежном месте на мое усмотрение, тогда, когда я поеду на лето к бабушке, которая мамина мама. Ты не переживай, бабушкин город около ее дома я уже неплохо знаю и спрячу книгу надежно – она будет лежать в большом дупле двуствольного дерева, которое растет на берегу пруда, ты это место должен знать, потому что там ни раз семья наша шашлыки жарила. Впрочем, надеюсь ты и сам всё это про нашу с тобой жизнь помнишь, а в дереве я уверен – оно старое, но мощное! Книгу открывать побоялся, потому что она вся сплошь чёрная и на обложке страшные щупальца нарисованы. Антоха хотел открыть книгу, но я его отговорил!

Вообще, очень необычно самому себе, то есть – тебе, такое письмо писать, как будто в фантастическом романе! Немного странно прятать что-то для себя же, но «на потом». Надеюсь, что у нас с тобой крутая и интересная жизнь, живем мы богато и я – хороший человек, которого все уважают. Твой Ты!»

Лишь прочитав это письмо, я досконально вспомнил все

пережитые мной события, о которых шла речь в послании. Как если «подгрузились данные». Но как, вообще, я мог забыть их до состояния «размытости»? И «Уз»? Уж не «Узник» ли это? Очень странные карты выпали мне. Но место у бабушкиного дома я помнил отлично, и да – бабушки уже с десятков лет как нет, а дерево, убежден, до сих пор там. Что ж, по крайней мере появилась некая ясность в вопросе «Что делать дальше?» и это прекрасно, потому что я был крайне растерян до эпистолярной находки «из прошлого».

Если лезть на дерево, то только в джинсах и кроссовках, ибо туфли и брюки – плохое подспорье в древолазании. Подготовив надлежащую одежду, я отправился спать, вдруг, действительно, «Утро вечера мудренее»?

Спал не очень-то, ворочался, но всё же спал, а это лучше бессонницы и ее последствий для организма. Целый день откладывал поход за книгой на потом, маялся и направился к цели с Адриано в пластиковом пакете лишь к исходу дня.

Место нахождения дерева невозможно было забыть, ведь там я съел бесчисленное количество шашлыков. И не каких-нибудь «уксусных», а выдержанных в действительно интересных маринадах – молочном, чайном, кофейном, пивном, остром и многих других. Употребленная сочная, прекрасная свининка (шейная часть или корейка), зажаренная в хорошей компании, это само по себе очень ценное воспоминание, согревающее душу, а уж диалоги, соседствующие с подобным процессом поглощения пищи – вещь еще более

ценная. И дело не в алкоголе.

К сожалению, сегодня дерево не было «лишено» человеческого внимания. Уединенная старообрядческая церквушка, пруд и зеленые насаждения привлекли в сей уютный, пасторальный уголок людей, стремящихся к употреблению алкогольных напитков и мяса. Прискорбно, но в данный момент времени как раз у нужного мне объекта расположилась компания – трое парней и одна девушка. Наиболее логичным вариантом показалось подождать, а не скандалить – подышать воздухом, посмотрю на воду, ничего страшного. Была даже мысль послушать музыку, но не сложилось...

Волей-неволей, а стоя на берегу, пытаюсь думать о чём-то своем, со временем я оказался поглощён ходом беседы отдыхающих. Среди советов, из века в век переходящих от одного к другому, промеж рассуждений о месте во вселенной, ценности человека для этого мира и наоборот, между фразами про смысл зарабатывания денег и целей для траты оных, встречались действительно ценные своей оригинальностью замечания. Так, стало понятно, что один из парней данной компании скоро уезжает в командировку в далёкий город и тогда другой молодой человек сказал «уезжанцу», что тот – отщепенец, а те полгода, в которые они не увидятся, вполне могут привести к тому, что будут забыты ещё и полгода общения, «связи», тем самым – чем дольше будет длиться разлука, тем вероятнее, что и возвращаться будет не к кому. Друг-«примиритель» этой парочки сообщил обоим, что

они, дескать, напоминают ему мороженное, где вкусная начинка далеко не всегда означает вкусный шоколад оболочка, но верно и обратное. Так «кулинар» призывал не пестовать «глубину» предстоящего разделения, а объединяться в лучшем, что есть сейчас, дополняя друг друга и создавая баланс. Как по мне – благая цель и мирозданье (в его доброй части) должно сказать мальцу «Спасибо» через кого-нибудь в максимально короткие сроки. Отчего этим вечером подобная «мудрость в миниатюре», зародившаяся в процессе употребления спиртосодержащих субстанций, «осенила» эти молодые головы? Может быть дело в воде? Ведь вода богата информацией, так почему бы и нет? Особенно, если кто-то из них по гороскопу принадлежит к «водным» знакам. Шутка. Эх, мне всегда недоставало веры в человеческий гений, вернее в то, что данное явление – удел многих, пусть и периодически.

Время шло, так и не обратив надлежащего внимания на одиночку, простоявшего несколько часов на берегу (а скорее всего – просто позабыв обо мне), компания собралась и отправилась куда-то по линиям их собственных жизней, завершая вечер или намереваясь его продолжить где-то ещё. Нужно отдать им должное – ребята не оставили после себя мусор, а аккуратно собрали отходы и выбросили в контейнер, верная модель поведения, ибо «Береги природу (,) (-) мать твою!».

– Интересные субъекты, не правда ли? – спросил я Адри-

ано.

– Может – да, а может и нет, гораздо интереснее что ожидает тебя в книге и там ли еще она – ответил мне прагматичный череп.

Я обернулся, окинул дерево взглядом и подумал, что оно совсем не изменилось за эти годы, разве что стало еще больше по сравнению с тем, каким я его помнил.

К сожалению, даже и начать карабкаться на дерево мне не удалось. Потому что откуда-то появился субъект явно маргинального вида и неясных намерений, направляющийся напрямиком ко мне.

Это был бомж. Грязный, оборванный человек с перегаром «вместо» дыхания.

– Раньше я любил запах книг, группу «Manowar» и сигары – заявил он мне.

– Уважаемый неуважаемый, что вам от меня нужно? – спросил я.

– В идеале – чтобы ты избавил меня от пауков, преследующих меня везде, но можешь просто купить мне выпить, либо... либо просто дай денег и я куплю себе сам – был ответ.

– Почему я должен выполнять твои просьбы? – пришлось поинтересоваться мне.

– Я воевал за тебя – произнес человек-«преграда».

– Беру его на себя. Прикрою тебя в этой «битве» – донесся «голос» Адриано.

После этого бомж развернулся и пошёл прочь. Мне было

жаль его, но что толку от праздных сожалений, не подкрепленных реальной и действительной помощью?

– Что ты с ним сделал? – стало интересно мне.

– Не придумывай себе каких-либо чудес в моем исполнении, силы мои далеко не беспредельны, так что я просто послал этому человеку элементарный посыл: «Ты хочешь спать. Иди и спи туда, где ночевал вчера» – объяснил череп, – Алкоголь у многих ослабляет барьеры психики, так что ничего особо сложного.

Будь я мнительным человеком, решил бы, что все эти «задержки» не просто так и мне ну никак не следует делать того, что я решил – добираться до книги. Но отказываться от задуманного – это не про меня.

Очень давно не лазил я по деревьям, а в этом деле, как и во многих других, нужна сноровка, иначе, не ровен час, свалишься и что-нибудь сломаешь.

На дереве было множество вырезанных символов и надписей, мне запомнились две: « $E=mc^2$ » и «Quo vadis», можно сказать, что данные плоды чьего-то творчества в той или иной степени скрасили мне процесс поиска дупла, хотя тревога о том, а находится ли вообще книга в ожидаемом месте, лишь нарастала.

И всё же дупло было найдено. О чудо – книга тоже оказалась в нём, обёрнутая газетой и спрятанная в целлофан! Земля, листья, какие-то букашки совсем не «улучшили» процесс «добывания» книги, но всё это было позади и казалось ни-

чтожным на фоне обнаруженной вещи.

Сорвав предохраняющую упаковку, всё ещё сидя на дереве, я рассматривал книгу – действительно черного, пусть и выцветшего цвета, с рисунком извивающихся щупалец на обложке и без каких-либо надписей, она пугала и манила одновременно.

Не в силах бороться с искушением, я раскрыл «хранилище знаний» и не просто почувствовал, а ощутил, как некие нити, крепкие и почти прозрачные, опутывают сперва мою голову, а затем и всего меня; инстинктивно пытаюсь бороться, я убеждал самого себя, что нельзя быть затянутым в книгу – так бывает лишь в кино, сериалах, литературе и в играх! Так или иначе, а меня ослепил ярчайший свет белого оттенка.

– Адриано! – успел крикнуть я прежде, чем мир вокруг поменялся.

* * *

Я словно бы очутился в прошлом. Потому что вот он – этот «деревянный» балкон, фактура и запах которого памятливы и спустя все эти годы, отделившие меня от детства, но не память ощущений детства от меня. На балконе – старое кресло, колесики к которому мне пришлось прикручивать, обливаясь потом – шуруповёрт-то никто ребёнку не удосужился купить! Но самое главное – в кресле дедушка, деда Ян.

Дедушка сидит и сжимает то в одной, то в другой руке синеватый эспандер, купленный мной по его просьбе в магазине спортивных товаров. Но ведь дедушка, мой «реальный» дед, давно уже умер, тогда что я здесь делаю? Почему книга, предположительно принадлежащая «Узнику», «перенесла» именно сюда? Смысл в подобном, безусловно, был, оставалось лишь понять в чем конкретно этот смысл заключался...

Я не был особенно близок с дедушкой при его жизни – этому воспрепятствовал юный возраст, недостаточный для полноценного общения с дедом, кроме того, на тот момент наше взаимодействие с моим отцом (сыном дедушки) не являлось не то что «добрым», но, даже, и сколько-нибудь стабильным, у деда же имелась своя семья с женщиной по имени Люба и ее отпрыском, так что скучать по общению с кем-то далеким от совершеннолетия ему не приходилось. Однако кое-что о дедушке я знал и помнил тогда, знаю-помню и сейчас – он отлично готовил, особенно ему удавались мясные блюда; сидел в тюрьме за участие в мошеннической «схеме» подделки и реализации драгоценных и полудрагоценных камней; был мужчиной весьма любвеобильным и охочим до противоположного пола; поспособствовал появлению у моего папы первого бизнеса (шиномонтажки); отлично шутил и никогда не бедствовал.

В рассказах и обсуждениях, батя представлял мне деда Яна не в лучшем свете, так как был обижен на собственного отца за то, что в детстве тот заставил отпрыска вместе поез-

дить по России и Украине, продавая разным людям стеклянные стаканы, мастерски сделанные «под хрусталь». Бабушка тоже не «пела дифирамбов» в адрес бывшего супруга, упирая в озвученных воспоминаниях на систематические измены и недостаточный общий «фон» тепла и взаимопонимания в отношениях.

Мои же собственные эпизоды общения с дедушкой ограничивались гостевыми визитами в квартиру, где он проживал совместно с избранной им женщиной и её сыном не от дедушки – там я слушал рассказы о прошлом, играл в компьютер (у меня самого компьютера тогда не было) и угощался вкусными разносолами, в избытке имеющимися у архонта и его «новой семьи». Самым ярким впечатлением от обиталища дедушки являлось наличие там электрического камина (роскоши по тем временам), на котором всегда лежала банкнота в один доллар. Также, не думаю, что забуду и его обширную коллекцию обуви.

Однажды дедушка взял меня с собой на дачу. Из детей, кроме меня, там был сын его женщины и какая-то девочка-родственница, оба ребенка младше меня лет на пять. На даче было уютно и сытно, а разница в возрасте не помешала весело, в играх, провести время у речки с «младшими» детьми. Результатом моего времяпрепровождения стала памятная выволочка от деда, недовольного тем как я организовал собственный досуг вдали от города и с кем его провел – дедушка был адептом серьезности и уповал, что я повзрос-

лею раньше времени. Быть может, ему бы больше понравилось лежать на диване, сцепив руки в замок на груди, и рассказывать мне, внимающему с открытым ртом, историю про то, как крысы съели дедовскую обширную денежную записку, спрятанную под полом в старой квартире из жадности. Но не случилось.

Однако всё это в прошлом, теперь передо мной старик, теряющий память и связь с реальностью; человек, от которого остались лишь воспоминания окружающих его людей. Дедушка брошен женщиной, с которой ему нравилось быть, ведь обуза практически никому и никогда не нужна, в итоге он вновь в доме своей бывшей жены, где о нем заботятся она и его сын и куда я иногда прихожу его попроведать. Интересно, если чувство ностальгии ещё с ним время от времени, то что дед вспоминает, о чём жалеет?

Но стоп! Я не там, где мне кажется, что я есть, и необходимо об этом помнить! Я «только лишь» в книге и «реалистичные локации» вокруг меня – лишь иллюзия, наведенный морок, существующий здесь ради цели, что пока мне не ведомо...

– Внук, это ты? Подойди, если это ты – сказал мне дед.

Я подошел к тому, кто звал, слишком болезненно напоминая мне дедушку.

– Когда умру, возьми себе моих солдатиков – я собирал их всю жизнь, они очень ценные, все они – красные, серые, черные и даже те, что умерли, солдатики, изображающие мерт-

вещей – проговорил дедушка.

– Хорошо, деда Ян, спасибо, чем тебе помочь, что могу для тебя сделать? – спросил я, надеясь вникнуть в смысл происходящего по факту диалога с моим визави.

– Помоги мне уйти, помоги покинуть вас – ответил дед.

Пережив рак, перенеся инфаркт и инсульт, даже несмотря на собственную болезнь, мешавшую ему адекватно воспринимать мир и взаимодействовать с ним, он имел право на подобное желание, такую просьбу, но... но я-то знал, помнил, как он умер – в Израиле, у родственников, после длительной борьбы с недугом. А это – что это значит? И почему я? Неужели в принятии подобного решения, действиях либо бездействии и последствиях вся суть этой книги, куда меня затянуло?

– Не думай, не размышляй «да» или «нет», не прикидывай «как», просто отвези меня в заброшенный тоннель – попросил дедушка.

Как ни странно, я почти мгновенно понял о чем он – речь шла о старом железнодорожном тоннеле, расположенном в окрестностях города моего детства. Шириной в четыре с половиной метра, высотой в шесть и длиной около километра, это обычно необычное место привлекало множество тех людей, кому в жизни желалось чего-то мистического, экстраординарного и внебудничного. Да – антуражный объект, но, как по мне, «на один раз», да и опасно там бывает, все-таки старое сооружение, которому чуть более века,

дыры, провалы... А может в том всё и дело – в опасности?

– Хорошо, дедушка – тем не менее ответил я, не найдя в себе достаточных побудительных мотивов и аргументов для отказа.

И вот мы едем к тоннелю, будто бы персонажи отснятой сцены фильма, что так никогда и не будет собран воедино режиссером, не «родится», до того побывав на монтажном столе. Внутри у меня гаденькое чувство, сравнимое с тем, что возникает у людей, когда они через интернет проверяют стоимость подаренных им вещей. Сомнения, неуверенность. Но деда Ян улыбается, он явно доволен. Чёрт, если всё так не реально, то откуда это щемящее чувство беспокойства у меня внутри?

...В тоннеле и около него никого, кроме нас. «Конечно, это же книга, разве может быть иначе?» – думаю я. Как в стандартной компьютерной игре, где пространство и герои «оживают», а события происходят лишь в момент появления игрока в нужном месте во всегда правильное время. Дедушка выходит из машины и с трудом приближается к тоннелю. Я вздрагиваю, потому что слышу звук клаксона авто, раздавшийся откуда-то из «недр» тоннеля. Факт нахождения внутри строения четырехколесного механизма подтверждается тем, что я вижу свет фар, пронзающий тьму «каменной кишки». Дедушка идёт к автомобилю, я без труда догоняю старика.

– Это не Смерть, не переживай, это призрак, призрак ма-

шины, потому как лишь призрак моего любимого автомобиля может доставить туда, где я должен быть – раз убеждение в этом сильно во мне, то так оно, значит, и есть в реальности – объясняет мне дедушка.

– Но я не могу... не должен... не хочу отпускать тебя, даже если ты – не ты, не могу потерять тебя... снова – говорю я, с трудом сдерживая подступающие слёзы.

– Однако ты именно что должен, в том и суть выбора – держаться за «своё» или рискнуть ради «чужого», жить только для «я» или постараться в пользу «они», за «Мы» – произносит дедушка, улыбаясь своей хитрой, «памятной» улыбкой.

Какое-то время размышляю, а потом отпускаю его руку, дедушка кивает и вскоре скрывается в глубине тоннеля, я слышу звук открывающейся двери, фары мигают и постепенно все звуки, что хоть как-то еще связывали меня с дедом, удаляются, исчезают, дедушка пропадает, сам я теряюсь в своих ощущениях и в окружающем пространстве. Уход дедушки – ещё одно событие, которое не исправить, как бы не хотелось.

Тут вдруг оказывается, что справа от меня, прямо в стене, расположен большой экран телевизора. Осознаю этот факт, когда аппарат вдруг включается. Даже не особо удивляюсь, мало ли что в книжках напридумывают. Понимание абсурдности происходящего помогает заглушить внутреннюю боль.

«Верный выбор. Или нет. Но правильный. Раз уж ты искал

меня и позволил вовлечь себя в подобный круговорот событий. Вот тебе мой посыл: «Вступай в то, что ты называешь «сектой» – гласил текст, расположенный на экране.

«Так. Отлично. А дальше что?» – подумал я. Ничего не происходило. С целью купировать возможное разрастание панических настроений я решил отнестись к этой ситуации как к загадке в каком-нибудь квесте. Довольно быстро меня «осенила» идея разыскать дерево из тех, что покрепче и забраться на оное. «Клин клином», как говорится. Подходящий представитель флоры отыскался достаточно быстро, однако стоило лишь коснуться его ствола, как меня охватило ощущение, напоминающее то, что испытываешь в момент резкого пробуждения от глубокого и сладкого сна.

Собственно, мозг и идентифицировал характеристики тела как те, что были знакомы ему по столь часто случающимся в моей жизни пробуждениям. Конечности затекли, мыслепроцесс был несколько заторможен, настроение еще не определилось каким ему быть.

– Адриано, я исчезал, истаивал? – спросил я череп.

– Нет, ты словно бы замер, застыл в статичной позе – ответил мой компаньон, – как всё прошло? Что ты узнал?

– Узнал я простую вещь – стоит вступить в секту. А так... там был мой дедушка, которого давно уже нет в мире живых, я многое вспомнил, «обновил» кое-что, «покрывшееся пылью» во мне самом – ответил я.

Естественно Адриано желал подробностей. Конечно же, я

поведал ему обо всем, что со мной произошло. Потом я аккуратно спустился с дерева, до того с обильной опаской коснувшись книги, которую не счел нужным оставлять в дупле. Перед уходом домой, я посмотрел на воду. Сколько же различных отражений непонятных мне объектов и явлений имелось на её поверхности. На какой-то миг показалось, что водное полотно покрыто огромной тенью, еще через какое-то время почудилось, что тень не одна, их – множество и все они будто бы стремятся приблизиться ко мне, дотянуться... естественно, чтобы схватить. Наваждение, морок...

После всего этого приятно было вернуться домой. Дотронуться до привычной поверхности кружки, услышать знакомые, хорошо изученные звуки включаемого ноутбука.

Размышляя с чем бы явиться к «сектантам», решил изучить сайты с вакансиями. С удивлением обнаружил, что «Сообщество Освобождения» ищет юриста. Мда, случайности не случайны.

Глава 2.

Секта

«Ландшафт вокруг был словно покрыт слоем пепла, часть деревьев напоминала собой изогнутые трезубцы, а часть – изломанные тела грешников, пытающихся руками закрыться от небесной кары за миг до гибели. Отряд воинов под предводительством сэра Леонарда сложно было напугать неприветливостью природы, так что в представлении боевой группы «негостеприимность» окружающего мира как максимум «тянула» лишь на капризы старой, увядшей кошелки, не способной в чем-либо помешать настоящим ратникам.

Вскоре у одного из деревьев дозорными была замечена человеческая фигура. Оказалась – это симпатичная, хоть и поизносившаяся девушка. После непродолжительного совещания, смелые воины решили взять незнакомку с собой, а то мало ли что. На первом же привале стало ясно, что данное решение было верным. Удовлетворив похоть желающих, девушка, представившаяся Фаридой, принялась рассказывать сказки, а затем и запела. Вскоре все воины спали, убаюканные голосом и мотивами песен Фариды. Тогда девушка обнаружила свои истинные мотивы, достав кинжал и зайдя с ним на изготовку в походный шатер сэра Лео-

нарда. В момент, когда Фарида занесла оружие над телом спящего, тот открыл глаза и запел песню, известную в его краях каждому островитянину, так как данная песня была о корнях, коих необходимо «держаться» любому жителю острова, носящему косы, ведь того, кто помнит свои корни, сложно лишить поддержки таковых. Так рэгги-музыка спасла жизнь сэра Леонарда. Эх, Фарида, ну а что Фарида? Девушка не сразу отошла от ступора, куда ее вознала услышанная композиция, те из воинов, у кого было желание, попользовались девушкой в грубой форме, а затем с помощью старых-добрых жреческих композиций из коварной представительницы женского пола «вытащили» все накопленные за жизнь девушки знания, которые добавили в пирог, съеденный мужчинами, тем самым ставшими опытнее и прозорливее благодаря столь полезному питанию. Продолжение следует...»

Это был очередной отрывок-творение Макса. Максима Германовича Александрова, если точнее. Моего непосредственного начальника в юридическом отделе «Сообщества Освобождения», где я теперь трудился. Поскольку в «секте» приветствовалось различное творческое самовыражение сотрудников, Макс ни в чем себя не ограничивал – строчил истории из жизни «сэра Леонарда» и его спутников, а затем зачитывал их вслух всем желающим и прочим бедолагам вроде меня, кому не повезло в такие моменты находиться в офисе

и быть условно, с точки зрения автора, ничем не занятыми.

Нужно сказать, что Макс, в сущности, все же был неплохим человеком. Увлеченный охотник, а, временами, и рыбак; разведенный отец сына-подростка; любитель доступных женщин, не стесняющийся имеющегося у него лишнего веса, талантливый кулинар, способный приготовить вкуснейшую колбасу из любого собственноручно застреленного кабана, колбасу, отлично подходящую к настойке, также созданной Максом же; закаленный «круглый-год-шортоносец» – любитель походов в горы, невзирая на время года; убежденный сторонник «трансерфинга реальности» и просто громкоголосый, позитивный мужчина – мне господин Александр понравился почти сразу. Несмотря на жизненно-опытные годы, разделяющие нас, складывалось ощущение, что подобное приятие было взаимным. Посещенные, в том числе и в рабочее время, бары, выпитое темное, гранатовое и прочее пиво, подтверждали сие предположение (к сожалению, просто-напросто «на сухую» обсудить с Максом увиденные фильмы и прочитанные книги было практически невозможно, ибо он почти всегда отшучивался, что «ничего не знает и никуда не летает», а «фильмы смотреть и книги читать прекратил так как достиг «лимита просмотров и прочтений на жизнь»).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.